

№8
Август 2018

ТУСОВСКИЙ КЛУБ

НАША ГУРАНДА

Стр. 12

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Банк ВТБ (ПАО), Генеральная лицензия Банка России № 1000. Реклама.

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcsmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

№8⁽¹⁵⁴⁾
Август 2018

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ РОБЕРТА СТУРУА
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 12 НАША ГУРАНДА
- 14 ИГРЫ РАЗУМА
НИНА ШАДУРИ
- 20 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 26 ЧЕЛОВЕК, ДАРЯЩИЙ РАДОСТЬ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 31 КАК В ПЕРВЫЙ РАЗ
- 32 ПИСАТЕЛЬ МЕЖДУ НАРОДАМИ, ЛИТЕРАТУРАМИ, ЭПОХАМИ
ЕЛЕНА ЧХАИДЗЕ
- 37 ОБРЕСТИ НОВУЮ ЖИЗНЬ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 42 ФУТБОЛЬНЫЙ МУДРЕЦ
ДЕМИКО ЛОЛАДЗЕ
- 44 ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ, ШЕКВЕТИЛИ!
- 46 ВЕРНУТЬСЯ В ГРУЗИЮ ПОРА МНЕ...
МАРИЯ ФИЛИНА
- 52 ТАЛАНТ ТВОРЧЕСТВА – ВЕЛИКИЙ ДАР
АНЗОР ГВЕЛЕСИАНИ

На обложке – Гуранда Габуния

ОТ ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

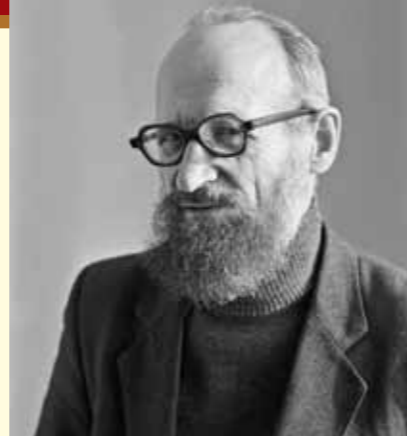
ВКУСНО, НО НЕ ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНО

«Как же он меня достал!» – темнокожий повар яростно высыпал в мусорное ведро уже вторую подряд порцию прекрасной картошки-фри. Ему 24 августа 1853 года явно достался очень привередливый клиент – нью-йоркский железнодорожный магнат, знаменитый Корнелиус Вандербильт, приехавший отдохнуть на курорт Саратогу и зашедший победить в местный ресторан. Он заказал порцию картошки и уже два раза успел отправить заказ на кухню под предлогом, что ломтики слишком толстые. Жарившего картошку Джорджа Крама – сына афроамериканца и индианки – опытного кулинара и повара гостиничного ресторана капризный клиент настолько вывел из себя, что Крам потерял терпение и из принципа решил довести ситуацию до абсурда. Он быстро нашинковал картошку кусочками, толщиной с бумажный лист, и отправил ее в жаровню с раскаленным

маслом. «Ну, что теперь скажет этот боров!» – прошипел Крам, отправляя официанта к уже терпящему терпение Вандербилту. А боров неожиданно пришел в восторг и тут же заказал еще несколько порций для всех своих спутников с криком: «Вот какую вкуснятину я придумал!» И спутники тоже восхищенно загалдели. Повар, скоро отошедший от гнева на клиента, оказался совсем не дураком, и быстро поставил на поток жарку сверхтонко порезанной картошки. А потом и вовсе открыл свой ресторан, где на всех столах стояли корзинки с «Чипсами Саратога». Отдыхающие курортники и их детишки полюбили хрустящую картошку, и ресторан Крама просуществовал аж три десятка лет. А потом какие-то плагиаторы поставили жарку чипсов на поток, продавая их на улицах городов «с колес». А потом некая дама по имени Лаура Скаддер догадалась упаковывать их в пакеты из вошеной бумаги, и мы всем миром уже 165 лет живем с этим чудесным фастфудом. Нам остается только поблагодарить капризного магната и вспылчивого повара за чудный подарок. Но следует помнить, что то, что вкусно, совсем не обязательно полезно.

АВГУСТ АВГУСТА

Да, знаменитого теоретика кулинарии и историка кухонь народов мира, а в обычной жизни выдающегося советского ученого-скандинавовед, автора многих историко-политических статей Вильяма Васильевича Похлебкина действительно звали Август. Да и фамилия его отца была другой – Михайлов. Просто его батюшка был революционером-подпольщиком и часто менял имена и псевдонимы. И фамилия Похлебкин просто «прилипла» к нему и его сыну. Но Вильям Васильевич, имевший второе имя Август, данное в честь революционера Августа Бебеля, любил свою кухонную фамилию – говорил, что она характеризует его кулинарные занятия и увлечения готовкой еды. Вильям-Август Похлебкин, родившийся 20 августа 1923 года прожил трудную и трагическую жизнь. Унаследовав от героического отца бесстрашный и бескомпромиссный характер,

он прошел всю войну фронтовым разведчиком, стал ученым, не спуская своему научному руководству беспринципности, яростно критикуя за плохую организацию научной работы. Это, конечно же, стоило ему места работы и не одного попадания в «черные списки» и всяческого ущемления прав и обретения статуса «невыездного». Его даже не пустили в Финляндию по приглашению президента Урхо Калева Кекконена, который считал, что советский ученый Похлебкин написал его лучшую политическую биографию, а также наградил премией в пятьдесят тысяч долларов, которую вместо опального Августа получили чиновники из посольства. Естественно, ему не перепало ни гроша. В итоге хобби Похлебкина стало его профессией – он вел в выходившей по воскресеньям многостраничной газете «Неделя» кулинарную колонку, где, кроме лично проверенных автором рецептов, публиковали его интереснейшие заметки об истории кулинарии. Они и сложились в его первые отдельные издания. А потом последовала знаменитая книга о чае, которой зачитывались решительно все. Однако ее популярность вызвала гнев властей, и некто под фамилией Александров написал разгромную рецензию, назвав книгу «вредной», «бездарной» и «неуживчивой». Но «слово – не воробей», книгу про чай опубликовали во многих странах, как и другие кулинарные книги Вильяма-Августа Похлебкина, а всесоюзный журнал «Огонек» стал постоянно публиковать его «Вкусные рассказы». Еда по Похлебкину это «национальная душа». А, по мнению благожелательных рецензентов, Август «открывал многим читателям через кухню большой пласт человеческой культуры». Похлебкина называли «кулинарный Менделеев», и это сравнение с великим химиком неспроста – один из его самых знаменитых трудов называется «История водки», где он убедительно и доказательно опроверг

утверждение, что водка изобретена в Польше или других странах Европы, а не в России. Он сумел найти документы, из которых понятно, водка появилась именно в России и на 80 лет раньше самой ранней даты ее упоминания в иностранных источниках. Это сэкономило России немало денег на патентных спорах из-за торговых марок. Он был геральдистом, библиофилом с личной библиотекой в пятьдесят тысяч томов и коллекционером. Это, вероятно, и стоило ему жизни – грабители, убившие его в подмосковной квартире, явно искали редчайшую коллекцию орденов, о которой ходили легенды, но которую никто не видел. Одиноким ученым-энциклопедист, ведущим самую что ни на есть аскетичную жизнь, был слишком лакомо добычей негодяев. Сейчас его книги переиздаются огромными тиражами и нисколько не устарели.

УРОЖЕЦ ТБИЛИСИ, СОВЕРШИВШИЙ ПРОРЫВ

В самый последний день лета 1853 года, когда еще не спала жара, и измученные ею тифлисы от мала до велика плескались в теплых водах ленивой и сонной Куры, когда только вечерняя прохлада, спустившаяся с окрестных холмов слегка остужала разогретые булыжники мостовой этого чудного ожного города, в одном из зажиточных домов, где обитал со своей семьей высокопоставленный офицер штаба армии, родился мальчик, ставший одним из уважаемых уроженцев Тбилиси, прославленного своими писателями, художниками, музыкантами и учеными. Мальчику была назначена судьбой карьера военачальника и выдающегося полководца. Его звали Алексей Алексеевич Брусилов. У него было непростое детство – сразу же грянула Крымская война, на которую послали его отца. Потом отец, заболевший малярией в осажденном Севастополе, скончался, когда мальчику было только шесть лет, а потом от чихотки умерла и его мать. Алеша с братьями воспитывался у своей доброй тетки и ее мужа, заменившим сиротам родителей. Получив прекрасное домашнее образование, мальчик отправился учиться в элитный Пажеский корпус, откуда был выпущен прапорщиком в привилегированный Тверской полк. Отличившись в русско-турецкой войне 1877-78

года и получив на ней три ордена, Брусилов продолжил обучение в офицерской кавалерийской школе Петербурга. Генерал-майором Алексей Алексеевич стал чуть за сорок пять, что ему не добавило симпатии от завистников к такой блестящей и стремительной карьере. Но служба при высоких штабах ему была не по вкусу, и он попросился в полевые войска и вскоре получил назначение в 14-й армейский корпус, расквартированный в Варшаве. С началом Первой мировой Брусилова назначили командовать сначала 8-й армией, а потом и Юго-западным фронтом. И вот тут этот уроженец нашего города и прославил себя в истории: он возглавил и осуществил знаменитую войсковую операцию, названную его именем – «брусиловский прорыв». Русские войска прорвали фронт австрийцев и устремились на оперативный простор вглубь вражеской территории. Но робость и нерешительность Верховного руководства не дала воспользоваться уникальной возможностью столь блестящего маневра совершить перелом в военных действиях и довести дело до крупной победы. Февральскую революцию Брусилов принял с воодушевлением и даже принял назначение Верховным главнокомандующим, но, как оказалось, ненадолго – фронт разваливался, активно действовали большевистские агитаторы и требовались карательные меры, которые боевой генерал не мог одобрить. Его сменил Лавр Корнилов, тут же попытавшийся совершить военный переворот. Брусилов его не поддержал, и вскоре корниловский мятеж был подавлен. Алексей Алексеевич переехал в Москву, совершенно отойдя от всех дел. Он даже не отреагировал на Октябрьскую революцию и установление новой власти. Когда же ЧК арестовало старого генерала, в его защиту выступили многие офицеры, принявшие большевиков, включая всесильного нарком-

военмора Троцкого, принимавшего с почтением седовласого героя в своем «шестиколонном кабинете» с картой мира во всю стену в бывшем здании Генштаба, а ныне РВС. «Однако каков размах у мерзавца», – сыронизировал Алексей Алексеевич. Никаких иллюзий к деятелям новой власти он не питал. Командовать Красной армией Брусилов отказался, сославшись на возраст и старые ранения, но согласился на преподавательскую работу. И все оставшиеся годы преподавал, готовя крепкие офицерские кадры для молодой Советской республики.

МОДА – ЭТО ТО, ЧТО УЖЕ ВЫШЛО ИЗ МОДЫ

Так говорила одна великая француженка, и добавляла: «Главное в женщине – стиль, а стиль – это навсегда!» Она придумывала красивую одежду, создавала заново мир моды, где не было место кринолинам и тюнер-репсам прошлых веков. Где женщины отныне не стеснялись мужских брюк и пиджаков, носили короткие платья, украшали себя бижутерией и русскими шальями, носили на голове турецкие тюрбаны, надевали на светские рауты знаменитое «маленькое черное платье» и благоухали изысканными ароматами духов «Шанель номер 5». Короче, именно она – Габриэль Шанель, родившаяся в простой семье из маленького Сомюра и прошедшая путь от модной портнихи и шляпницы до самого знаменитого и выдающегося кутюрье в истории человечества. И осталась в памяти потомков не только своими нестаревшими силуэтами, но и свои прозвищем Коко. Так звали маленького щенка из уличной парижской песенки, которую она трогательно пела своим друзьям. 19 августа 1893 года родилась легендарная Коко Шанель.

МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ РОБЕРТА СТУРУА

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Есть в Японии звание – «живое национальное достояние». Официально оно звучит как «хранитель важного нематериального культурного наследия». Если бы оно существовало в Грузии, то одним из первых этого звания удостоился бы режиссер Роберт Робертович Стурua, отмечающий в июле 80-летний юбилей. О нем столько написано, он достоин столько эпитетов (не говоря уже о титулах и наградах), что, кажется, слова уже бессильны выразить наше отношение к мастеру. Его единственный в своем роде художественный стиль восхищает зрителей на протяжении нескольких десятилетий. Роберт Робертович мог бы почитать себе на лаврах, довольствуясь ролью классика

отечественной и мировой режиссуры. Но в этом случае Стурua перестал бы быть Стурua. В том-то и дело, что он в постоянном творческом поиске, в чем-то оставаясь верным себе, в чем-то предлагая зрителю иной взгляд на театр и окружающую реальность.

В своем новом спектакле «Вано и Нико» Роберт Стурua вновь говорит на языке притч и иносказаний, метафор и философских обобщений. Форма притчи – характерная для творчества великого мудреца Стурua – позволяет размышлять о вечном, выходить на метафизические смыслы и закономерности. И все это – в уникальной авторской стилистике маэстро. Зрители в очередной раз

растворяются в космосе его спектакля, создаваемом безупречной игрой актеров, точно существующих в условной драматургической форме; в сновидческой атмосфере – а это синтез ностальгической музыки, игры света, сюрреалистической сценографии, мельчайших, едва уловимых нюансов. Роберт Стурua предлагает самый высокий уровень общения со зрителем – и при этом заставляет его ощутить ни с чем не сравнимую радость театрального праздника. Герои его последнего спектакля, в основе которого – рассказы Эрлома Ахвледiani, – обычные молодые люди Вано и Нико. Это мы с вами. И это каждый из тех, кто сидит в зрительном зале. Как прожить короткую и непростую жизнь так, чтобы сохранить в себе человеческое?

Чем дольше живешь и чем старше становишься, тем яснее осознаешь, ради чего рождается на свет человек. Что между добром и злом на самом деле пролегает четкая граница. Два друга Вано и Нико в спектакле Стурua – это и есть два полюса. На одном – самоотречение, сострадание, благородство, на другом – нелюбовь, эгоизм, жестокость, то есть максимальное, концентрированное проявление добра, с одной стороны (Вано), и такое же проявление зла – с другой (Нико). Квинтэссенция противоположных начал. Такая квинтэссенция редко встречается в самой жизни (в основном зло более размыто, мимикрирует, бликует), но часто имеет место в поучительных историях и притчах. Жили-были два друга – Вано и Нико... Обитали они в сложном мире, полном противоречий и откровенной вражды, постоянной борьбы за лидерство и успех любой ценой. Нико потребовал у Вано беспрецедентных жертв – друг должен был отказаться ради него от любви, благополучия, самой жизни. Но даже этого ему показалось мало – Нико захотелось стать Вано, присвоить его добрую сущность – а взамен отдать свою.

Первый вопрос юбиляру – о его новом спектакле.

– Недавно вы выпустили премьеру «Вано и Нико», в основе которой – грузинский материал. В последние годы именно национальный контекст – в фокусе вашего пристального внимания. Как вы это можете прокомментировать?

– Да, сегодня я часто ставлю грузинские пьесы. В последние годы в Грузии произошло столько событий, что мне хочется разобраться конкретно в них. И если я ставлю что-то негрузинское, то все равно стараюсь понять и успокоить человека. Что бы ни случилось, как бы ни было перемешано добро и зло, как бы тебе ни было трудно разобраться в происходящем, все равно остаются истины, которые не меняются. Добро будет всегда добром, зло – злом. И если иногда добро побеждает зло, то в итоге все равно добро будет победителем.

Для меня предпочтительнее, чтобы зритель, приходя в театр, видел свою жизнь и оценивал ее в общечеловеческом контексте, в контексте мировой культуры. Я написал пьесу «Вано и Нико» по замечательным рассказам Эрлома Ахвледiani. Это произведение – сборник очень странных притч... Впрочем, это даже не притчи, потому что в рассказах Ахвледiani нет никакой, так сказать, «басенной» морали. У него два героя, в спектакле – четыре. Я ввел Автора – это вымышленный персонаж, рассказывающий, как у него все родилось, Женщину – это старая балерина, выступающая во всех женских ролях. В спектакле много цитат – например, из фильма «Огни большого города» Чарли Чаплина, я имею в виду любовную линию картины. Главные герои спектакля Вано и Нико – два молодых человека. Нико не очень удачлив в самореализации, и он олицетворяет зависть, зло, все время старается нагадить всем ввиду своей несостоятельности. И однажды он приходит к поло-

жительному герою Вано и говорит ему: «Давай я буду Вано, а ты стань мною. Мне надоело быть злым!» А друг ему отвечает, что ему тоже надоело быть добрым. Он уже действительно не может оставаться прежним, потому что зло его побеждает, а Вано хочет превратиться в сильного человека, чтобы бороться со злом. Но в итоге превращается в зло. Ближе к финалу герои вновь встречаются: «ониконный» Вано приходит к Нико, ставшему Вано, и просит вернуть его настоящую сущность, потому что не может больше терпеть зло и оставаться в прежнем качестве. Но Нико отказывается – я, дескать, не могу вернуть тебе твою личину, потому что мне очень удобно быть добрым. И тогда они договариваются, что оба будут Вано. Финал у нас такой странный – впрочем, у автора тоже так. Много чего недосказанного в самом произведении, все время приходится разбираться, что скрыто за этим текстом. Ты ощущаешь, что автор хочет что-то выразить, а это ведь 60-е годы! Кстати, произведения Ахвледiani когда-то сочли диссидентскими и не перевели на русский. В то же время перевели на английский, немецкий, даже на персидский... Эти рассказы Ахвледiani можно назвать естественно текущим свободным потоком, он разбирается в нашей жизни, внешне не стараясь анализировать. Я часто вспоминаю одного европейского исследователя жизни эскимосов за Полярным кругом, собиравшего их фольклор. И когда он приходил к эскимосам, они начинали ему рассказывать свои сказки, легенды. Однажды исследователь признался, что не понимает, о чем рассказ. И старик-эскимос говорит ему: «Вы, белые, просто надоели, из всего хотите что-то извлечь, увидеть что-то особенное, а нельзя просто рассказать о чем-то? Что вы пристали к какой-то морали, к каким-то идеям? Я просто рассказываю. И мой народ все понимает!»

– Как вы находите «своих» авторов – таких, как Эрлом Ахвледiani?

– Если ставим классику или какую-то пьесу, это все равно становится пьесой театра Руставели. По крайней мере, мне так кажется. Я не могу быть вполне объективным, чтобы до конца осознать, что происходит. Это все равно что просить птицу объяснить, как она летает. Здесь и традиции театра. Вы помните первое классическое произведение, которое поставил Сандро Ахметели на руставелевской сцене? «Разбойники» Шиллера. Он вставил в спектакль несколько сцен из «Заговора Фиеско в Генуе». Это были годы большого террора, когда даже за название могли арестовать – а Сандро Ахметели назвал свой спектакль «Против тиранов!» («In tyrannos!»). Мы тоже стараемся, чтобы те проблемы, которые сегодня существуют в Грузии или в бывшем Союзе, были в спектаклях отражены. Но это осуществляется не специально, а естественным путем. И если театр обращается к классике, то создается пьеса, инсценировка, версия именно нашего театра. Когда в Москву приехал английский режиссер, актер Гордон Крэг и поставил в 1911 году во МХАТе своего «Гамлета», это было, возможно, совершенно чуждо стилистике театра. В итоге режиссеру пришлось уехать, потому что он не смог до конца воплотить свой замысел с прекрасными актерами, которые замечательно играли русскую классику. В то же время сами основатели МХАТа ставили своего Шекспира – «Юлия Цезаря». И для этого поехали в Рим, изучали там историю, поставили на сцене Капитолий, но в итоге все провалилось. Потому что театр еще не смог через систему Станиславского найти подход к классике, которая является частью поэтического театра. Позднее у МХАТа сформировались свои отношения с классикой – как и у нас. Что касается интерпретации современных грузинских пьес, с ними нам легче.

Когда ты вольно обращаешься с классикой, то испытываешь муки совести. А если имеешь дело с современным материалом, и драматург жив, то он приходит к нам, мы с ним советуемся. Иногда не советуемся... Приходит, к примеру, драматург Тамаз Чиладзе и смотрит спектакль, в котором нет каких-то его текстов. А мы переделываем кое-что в самой пьесе, сокращаем ее, но при постановке воплощаем то, что свойственно поэтическому театру Тамаза Чиладзе – его пьесы написаны поэтом, у которого определенный взгляд на театр.

– А западная драматургия? Вы ведь признаны одним из лучших интерпретаторов Шекспира и Брехта. Как вы нашли ключ к этим драматургам?

– Когда Брехт писал эту пьесу, то долго выбирал место действия. Предполагалась даже Россия, и имена-отчества у героев были русские. В итоге место действия драматург перенес в Китай. Но в Америке, где Брехт закончил эту пьесу, он решил перенести место действия в Грузию. Естественно, мы постарались, чтобы это была Грузия, но не совсем. Если бы мы превратили «Кавказский меловой круг» в очень национальную пьесу, то потерялась бы суть. Ведь Брехт писал пьесу от Германии, как бы заслоняясь от прямой актуализации. Он, человек, придумавший целую систему отчуждения, отстранения, показывает другую, вымышленную страну и тем самым яснее дает понять универсальность своего произведения. К тому же мы предложили свое музыкальное решение, хотя по завещанию Брехта в спектаклях по его пьесам должна была звучать музыка Пауля Дессау. Из-за этого возник большой скандал. Наследники Брехта даже запрещали нам играть спектакль на фестивале в Иерусалиме. Дочь Брехта была крайне возмущена тем, что музыку заменили, но в

итоге конфликт был разрешен.

Для меня Брехт, особенно в этой пьесе, – продолжение ренессансного мировоззрения в духе немецкого поэта, мейстерзингера и драматурга Ганса Сакса, и на этой волне витальности он написал пьесу с типичными характеристиками эпохи Возрождения. Во-первых, это любовь к жизни. Во-вторых, ты ощущаешь в «Кавказском меловом круге» особенности плутовского романа, в первую очередь, в линии Аздака. Есть и какая-то китайская, восточная стилистика. Брехт увлекался в последние годы китайским театром, замечательной пьесой «Турандот». Ее ставят редко из-за большого объема. Но возможны сокращения, это очень любопытная пьеса...

Но вообще театр некоторым образом любит немного похулиганить. Я часто вспоминаю одну легенду. Идет последняя сцена спектакля «Отелло», когда Дездемона уже задушена ревнивым мужем, но Яго продолжает утверждать, что ни в чем не виноват. И зритель, сидящий в партере, настолько возмущен этим, что достает пистолет и стреляет в интригана. А потом, поняв, что совершил преступление, кончает с собой. Убийцу и его жертву похоронили рядом, написав на одном надгробии: «Самому лучшему актеру», а на другом: «Самому хорошему зрителю». Брехт по-другому оценил эту историю – по его мнению, нужно было написать: «самому плохому актеру», который заставил зрителя забыть, что он находится в театре, и «самому плохому зрителю»... Брехт как бы переворачивает для нас этот миф, потому что считает: публика должна курить во время спектакля, то есть должна быть более равнодушна и не слишком увлекаться страстями героев, должна включать разум.

– Позволю себе привести длинную цитату из лекции Андрея Тарковского: «Знаете, в

чем секрет заразительности театра Стурюа? Актеры совершенно не скрывают, что они – актеры! Они наслаждаются тем, что на сцене показывают себя – через лица тех персонажей, которых мы видим из зрительного зала. Они играют сразу по нескольким ролям, но остаются узнаваемыми и не скрывают этого... Вот и в «Кавказском меловом круге» актеры заражают нас той радостью, которую испытывают, находясь на сцене. Они почти летают над нею, и это какое-то волшебство. Роберт Стурюа сумел заразить их каким-то таким состоянием, которое ново не только для театра Руставели, но и для всех нас. Он вернул театральной публике ощущение корней театра. Ни одному из театральных режиссеров, причем маститых, не удавалось ничего подобного».

– Да, отчуждение – это обязательный момент у Брехта. Его суть заключается, в первую очередь, в том, что ты не должен мне показывать избитые, банальные вещи. Если не развернешь событие под новым углом и не обнаружишь скрытую истину, такой театр нужно бросать. Брехт разворачивает хрестоматийные истины, знакомые ситуации так, что ты их видишь как бы впервые. И я стараюсь это не потерять, что очень непросто. Потому что ты должен найти суть явления. Недавно я вернулся домой после юбилея Рамаза Чхиквадзе – в это время моя жена смотрела «Кавказский меловой круг». Это был момент, когда главная героиня спектакля Груше Вачнадзе крестит своего маленького Михаила. Я посмотрел и понял, что... забыл спектакль, что многое мной не замечено и упущено. Я был слегка навеселе после банкета, и у меня на глаза навернулись слезы, которых я стеснялся. Потом позвонил композитор Гия Канчели и сказал: «Послушай, оказывается, я вообще не знал этого спекта-

кля!» Он тоже смотрел «Круг» в Бельгии по телевизору... Так что время меняет наши взгляды. И тогда становятся виднее все те противоречия, которые есть в жизни и на которые мы когда-то не обращали внимание.

– Ваше новое обращение к Брехту произошло спустя много лет – сравнительно недавно вы выпустили спектакль «Узаконенное беззаконие»...

– Нет, за рубежом я ставил Брехта. Так, в Аргентине я осуществил постановку «Матушки Кураж», а спустя три года – «Снов Симоны Маршар», «Карьеры Артура Уи»... «Карьеру Артура Уи» я поставил не о Гитлере, а о новом диктаторе, который, возможно, придет. И финал был страшный. Вновь рождался этот герой. У него не было никакого внешнего сходства с Гитлером, хотя все постановки «Карьеры» намекают на этого преступника эпохи фашизма. И в конце он возвращался, на что-то нажимал, и вся декорация вдруг исчезала. Он как бы взрывал мир. Это был следующий этап диктатора... Зло может очень здорово мимикрировать, видоизменяться. Потому что прошлое не позволяет злу приходиться в том же виде, ведь у людей существует опыт. Вот почему зло каждый раз является в новом обличье. Брехт, наверное, не хотел размышлять на эту тему, потому что писал по живым следам происходящего на его родине. И он не особенно задумывался о вечных проблемах. Классики тем и замечательны, что могут быть интерпретированы по-разному.

– В детстве и юности наши вкусы, интересы формируются под влиянием старших, под впечатлением от прочитанного, увиденного. Как это происходило с вами?

– Когда я учился на первом курсе театрального института – а нас было пять человек режиссеров – мы решили отпраздно-

вать встречу Нового года. И собрались у меня – моя квартира была сравнительно побольше, чем у других. Сейчас она кажется маленькой, а тогда мне казалось, что это дворец. Скинулись и сели за стол в одиннадцать часов, а в это время пришел мой отец. Между мной и моим отцом была разница всего в 20 лет – практически молодой человек! Мне было тогда 17, ему – 36. Но я считал его ретроградом – как представителя соцреализма, сына старого большевика. Его обожали все мои сокурсники, а актеры позднее дружили с ним больше, чем со мной. И вот он пришел, и все попросили его быть тамадой. Я пришел в ужас, предполагая, что он скажет что-то нелепое. Вдруг он произнес тост – перед тем как покинуть нашу компанию... Если вы замечали такую закономерность: когда солнце заходит, животные начинают очень беспокоиться. Взволнованные птицы собираются на деревьях – возникает базар какой-то! Это потому, что у них нет ощущения времени, нет уверенности, что после заката солнце вновь взойдет. Для нас, людей, это тоже характерно – к сумеркам, как правило,

возникает тревожное чувство. Такой атавизм в нас живет... Помню, в детстве в сумерках мне иногда становилось так мутно на душе! Мне было лет пять-шесть. И бабушка выводила меня на улицу, мы садились на автобус и делали большой круг, чтобы я немного успокоился... И вот в ту новогоднюю ночь отец сказал: «Нужно помнить, что как бы страшна ни была ночь, солнце обязательно взойдет!» В те минуты отец открылся для меня немного с другой стороны... Он достал работы, которые сделал в годы студенчества. Кстати, Роберт Стурюа-старший окончил Тбилисскую академию художеств, потом поехал в Москву, учился у замечательного монументалиста Евгения Лансере. Я увидел, как художник очень большого таланта стал постепенно меняться. Как персонаж фильма Эльдара Шенгелая «Необыкновенная выставка». Кусок мрамора, который оставил педагогу своему талантливому ученику, так и остается нетронутым. У художника семья, дети, и он начинает делать бездарные надгробия. Так и проходит его жизнь, в итоге герой картины оставляет мра-

С Гией Канчели

мор своему ученику в надежде, что если не он, то уж его ученик обязательно исполнит свою мечту. Когда я посмотрел ранние работы отца, для меня было настоящей трагедией воочию увидеть произошедшие с ним изменения. Вспоминаю такой случай. Я тогда учился во втором классе. И однажды ко мне прибегает мой одноклассник и говорит, что работы отца выставлены в салоне. А салон располагался на углу улицы Чавчавадзе и проспекта Руставели. И вот мы приходим туда и видим картину, которую папа написал дома. На ней были изображены чайные кусты, крестьяне-гурийцы в разных костюмах – кто-то в современных, кто-то – в чохлах и башлыках, а также актриса Медея Джапаридзе в голубом платье. Картина называлась «Она видела Сталина»... Мои приятели попросили пропустить сына художника. Меня пропускают, я рассматриваю эту картину. А я еще не все понимал, но ощущал, что это что-то не то. И сам отец прекрасно все понимал и сумел со временем избавиться от этого. Его последние работы – женские портреты, храмы, памятники архитектуры Грузии. Просто замечательные произведения! Увы, я не смог их собрать, потому что отец их раздавал. И сегодня я не знаю, где их искать. У нас дома из его работ практически ничего не осталось. Мой друг где-то находит

Роберт Стура на репетиции

отцовские картины и покупает их для меня.

На меня повлияло, когда отец практически делал плафоны. Это были очень большие композиции. И отец в шутку говорил: «Ты будешь режиссером, давай построй мне оригинальные мизансцены!». Иногда я выполнял его просьбу, а иногда отмахивался – отстань от меня! Но мизансценированием отец меня как бы направил... Помню, театровед, дочь Ираклия Андроникова – Манана Андроникова хвалила меня за то, что я умею занять всю площадь сцены. И это происходит не специально, а рождается из самого текста, не то, чтобы я выстраивал что-то красиво: ты здесь стой, а ты – там. Словом, это мизансценирование сыграло какую-то роль. Когда на последних двух курсах я начал рисовать, то это были абсолютные абстракции, и в то же время ощущалось влияние импрессионизма. И отец начал меня подправлять, причем в той же стилистике, в какой я рисовал. Я тогда обратил внимание на то, что этот жанр он тоже знает.

Это, конечно, подпитывало меня. Но когда я впервые, будучи подростком, увидел у своего друга, внука академика Шалвы Нуцубидзе, изданный в 30-е годы альбом «Импрессионисты Эрмитажа», для меня это было равносильно революции. Отец всегда увлекался

импрессионизмом, у нас была большая коллекция открыток. Когда Верико Анджапаридзе и Михаил Чиаурели были на Венецианском фестивале с фильмом «Падение Берлина», они привезли ему «Сикстинскую капеллу» – альбом репродукций Микеланджело и других художников. Такие вещи играют огромную роль для формирования молодого человека, особенно режиссера.

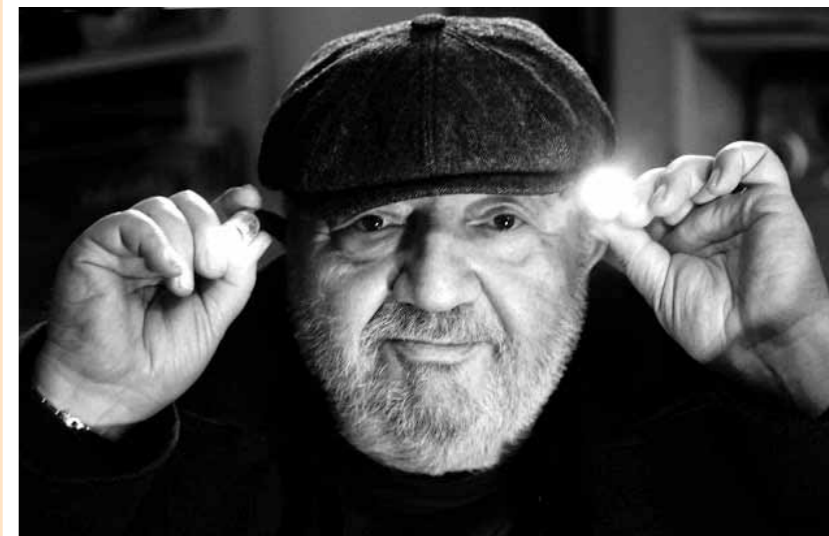
Что касается музыки, то у меня была очень хорошая педагог – молодая женщина, армянка. Очень красивая и очень строгая. Когда она мне ставила руку, то применяла линейку. А мне было лень учиться. Мама начала ревновать отца к моей учительнице. Я воспользовался этим моментом и сказал: она меня бьет! И несчастную проводили. Я тогда прекратил заниматься музыкой. Не хотел. Но когда я стал интересоваться девочками в школе, то понял, что мне не стоит рассчитывать на успех у представительниц прекрасного пола, если я не буду разбираться в музыке. Тогда был очень популярен джаз. И я начал самостоятельно осваивать фортепиано. Всего, что я сейчас знаю о музыке, я достиг сам. Сейчас даже читаю партитуру. Музыка – важнейшая часть моих спектаклей. Я долго не мог найти музыку к своему спектаклю «Вано и Нико». Композитор Гия Канчели написал какую-то музыку, но она переводит спектакль в прежнюю, хорошо знакомую зрителю стилистику. И я привлек молодого электронщика – Нику Мачаидзе. Это очень талантливый парень. Я подобрал музыку – Бетховена, Шопена, Чаплина. Цитирую мировой кинематограф – в прямом звучании это плохо, получается подборка музыкальных номеров. А Мачаидзе предложил иное решение. К примеру, взял вторую часть Седьмой симфонии Бетховена и видоизменил ее на электронных инструментах. Ты слышишь нечто знакомое – Бетховена. Но это не звучит в спектакле слишком

прямолинейно и схематично.

– Особняком в вашем творчестве стоят камерные спектакли «Маска врага», «Мария Каллас. Урок»...

– В самом произведении «Маска врага» Амели Нотомб содержится большая условность. А «Мария Каллас» Теренса Макнелли – это как бы подлинная жизнь, немного разбавленная оригинальностью личности, о которой написана эта пьеса. Но когда я обращаюсь к таким произведениям, то в принципе остаюсь учеником Михаила Туманишвили и его педагога Георгия Товстоногова... При первом знакомстве с Георгием Александровичем Товстоноговым я сказал ему: «Я ваш внук!» Потому что я все-таки всегда настроен на то, что, какая бы ни была на сцене резкая условность, в ее основе должны быть жизненные реалии. Это не должно быть построено просто на абстракции. Но когда я обращаюсь к таким произведениям, где все выглядит натуралистично, то не могу до конца идти в натурализм. Хотя мой давний спектакль «Перед ужином» Розова – мы его огрузинили – поставлен, на мой взгляд, реалистично.

Почему грузинский театр не смог освоить Чехова? Театр не может до конца разобраться, найти подход к этому автору. К тому, что скрыто за простыми жизненными, бытовыми актами. А скрыто там очень много. В БДТ была такой режиссер – Роза Абрамовна Сирота. И Георгий Товстоногов однажды решил повторить у нас своих гениальных «Мещан». Распределил роли, объяснил что к чему. Уехал и оставил в Тбилиси Розу Абрамовну. У нас сложились хорошие взаимоотношения. И однажды я выхожу после своей репетиции, а Роза Сирота – после своей. Какая-то печальная. Я спрашиваю, в чем причина ее настроения. Понимаешь, говорит она, ваши актеры не умеют пить чай. Что это значит? – мне было удивительно и смешно, и

я невольно рассмеялся. Она объяснила мне: «Чаепитие – это целый ритуал! В «Мещанах» это очень важная атрибутика. Конкретная эпоха, самовар. Важно, как его греют, как он начинает закипать, как делают заварку, наливают чай, пьют с вареньем. Это целый акт!» И я вспомнил замечательный роман нобелевского лауреата, японского писателя Ясунари Кавабата «Чайная церемония», где все время пьют чай, но за чаепитием кипят совершенно сумасшедшие страсти. Но внешне... они просто пьют чай. Когда я поставил в Англии «Три сестры» и «Чайку», то понял, что поставить Чехова так, как он хотел, практически невозможно. Нужно, чтобы прошло время, чтобы мы забыли тот период, когда в конце XIX века дворянство разорилось, ожидалась перемена, когда носили костюмы определенного стиля... Я должен сказать, что Чехов имеет много общего с Шекспиром. «Чайка», грубо говоря, – это «Гамлет», где Гертруда – Аркадина, Треплев – Гамлет, Тригорин – Клавдий. Действие начинается со сцены «Мышеловка» – разыгрывается пьеса Треплева, и герои обнаруживают себя. Писатель Тригорин, к примеру, видит в пьесе Треплева нечто новое, на что он сам не способен. А в конце «Чайки» – гибель героя...

как в шекспировской пьесе. А «Три сестры» я воспринимаю как «Короля Лира». Просто чеховский Лир уже умер и оставил трех дочерей... Все время я какие-то параллели ощущаю. Но это невозможно воплотить... Должно пройти время. Поэтому режиссеры, которые ставят сегодня Чехова и получают премии, переносят действие его пьес... в сумасшедший дом... Наверное, для того, чтобы выбросить эту атмосферу чеховщины, которая была насаждена с легкой руки МХАТа. И, между прочим, Чехову не нравились эти спектакли. Он все время говорил, что у него комедия, а на сцене – слезливая мелодрама.

– А Гоголь?

– Это уникальное событие! Мне очень сложно об этом говорить. Это настоящее, чистой воды явление. Он предвосхитил развитие литературы XX века. «Превращение» Кафки – чем не «Нос»? Нос вдруг отрывается у человека и превращается в какое-то существо. Когда в московском театре «Et Cetera» мы работали над «Ревизором», то сократили текст. Но мы играем практически все сцены. Я работал над текстом приблизительно шесть месяцев. Никакого там нет нашего авторства – я запретил менять текст. Потому что Гоголь пишет замечательным русским языком...

НАША ГУРАНДА

26 августа свой юбилей отмечает Гуранда Габуня.

Первое, что хочется сделать, услышав подобную новость, это немедленно воскликнуть – не может быть! Круглая дата – это не про Гуранду, совсем не про нее. Ведь актрису с таким молодым темпераментом, страстностью, невероятной энергетикой – еще поискать. Да неизвестно, найдешь ли... Как говорится в пьесе «Милый лжец», ей никогда не будет больше 39 лет, ни на один день!

У Гуранды Георгиевны – много наград и званий. Народная артистка Грузии, лауреат премий имени Котэ Марджанишвили, Михаила Туманишвили, Верико Анджапаридзе, обладатель звания «Жрец культуры», неоднократный лауреат национальной премии «Лучшая актриса года», с 1975 года и по сей день – ведущая актриса театра Марджанишвили...

Но вот что примечательно (первым об этом сказал Николай Свентицкий, директор Грибоедовского театра): «В Тбилиси никто никогда не скажет «Гуранда Габуня». Говорят так:

«Как Гуранда... Вчера смотрел спектакль с Гурандой... Сегодня видел Гуранду... Как здоровье Гуранды»... Понимаете, ее называют только по имени. А это удел очень больших людей».

Есть у нее и еще одно бесценное-драгоценное звание – супруга (язык не поворачивается произнести слово «вдова») Народного артиста СССР Отара Мегвинетухуцеси. Как справедливо заметил в свое время Олег Табаков, «Гуранда – это редкий пример абсолютной погруженности в любимого человека»...

А начиналось все в Сухуми. Гуранда родилась в театральной семье. Отец, Георгий Габуня, был артистом, режиссером, драматургом, художественным руководителем Сухумского драматического театра. Мама, Тамара Макарашвили, – ведущей артисткой того же театра. Казалось бы, судьба Гуранды была предрешена, но она, к удивлению окружающих, даже не думала о сцене. С раннего детства девочка обожала танцевать и мечтала о карьере

балерины.

«Мои самые трепетные воспоминания детства и юности связаны с Сухуми, – рассказывает Гуранда Георгиевна. – Я не могу забыть теплые, дружеские отношения между грузинами и абхазами. Как не вспомнить «собачий» пляж, где родители купали нас в море, а рядом бегали и плескались собаки. Знаете, как я научилась плавать? Соревнуясь с собаками. Никогда не забуду бутафорский цех Сухумского театра, забитый самыми разнообразными театральными предметами, рояль, на котором я засыпала, не дождавшись окончания спектакля, в котором играли папа и мама, балетную школу Гореловой при Сухумском музыкальном училище, где я приобщилась к хореографическому искусству, свои первые детские роли на сцене...».

А потом в Сухуми приехал легендарный ансамбль Игоря Моисеева, и юная танцовщица показала знаменитому хореографу. Представьте себе, Моисеев захотел взять ее в свой коллектив. Но Георгий Габуня был категоричен – ни за что! И Гуранда на протяжении пяти лет танцевала в национальном ансамбле Сухишвили-Рамишвили.

Но наследственность все же взяла свое. Гуранда с блеском сдала вступительные экзамены в Тбилисский театральный институт и поступила на курс к Дмитрию Алексидзе. Первый курсовой спектакль «Где тонко, там и рвется» И. Тургенева, в котором Гуранда сыграла главную роль, поставил молодой режиссер Роберт Стура.

По окончании института Гуранда Габуня служила в театре Руставели, в театре Санкультуры, где Лили Иоселиани набирала молодых перспективных артистов, в основанном Гигой Лордкипанидзе Руставском театре. С 1975 года по сегодняшний день Гуранда хранит верность театру Марджанишвили и остается его ведущей актрисой.

Гуранда Габуня – актриса редкого дарования. Ее отличают утонченный артистизм, взрывной сценический темперамент, исключительный профессионализм. Актерский диапазон Гуранды – невероятен, ей одинаково блестяще удаются и героические, и драматические, и романтические, и лирические, и характерные роли. Судите сами: Маргарита в «Празднике одиночества» В. Коростылева, Асма в «Что скажет народ» Р. Табукашвили, Долли в «Анне Карениной» Л. Толстого, Селия Пичем в «Трехгрошовой опере» Б. Брехта, Баронесса в «Бароне Мюнхгаузене» Г. Горина, Гонерилья в «Короле Лире» и Клеопатра в «Антонии

ее все – с таким накалом она сыграла свой эпизод.

Очень эмоциональная, общительная и темпераментная Гуранда была, казалось бы, полной противоположностью своему мужу – спокойному, молчаливому, сдержанному Отару Мегвинетухуцеси. Они познакомились в театральном институте, расписались, когда Гуранде было 19 лет, и счастливо прожили вместе больше полувека.

Когда Отара не стало, на Гуранду было страшно смотреть. Даже самые близкие не знали, как утешить, как успокоить, чем порадовать...

Выход нашел младший друг Отара, который всегда гордил-

актриса истинно грузинского темперамента и экспрессии. Подобный опыт в истории Грибоедовского уже был. Когда-то на этой сцене блистали Верико Анджапаридзе и Отар Коберидзе. Гуранда Габуня продолжила экспериментальную линию соединения двух театральных школ. Но она сделала это по-своему, неповторимо. А неповторимость ее в том, что она, как очень немногие, умеет сочетать трагизм и иронию, пафос и простоту. И во всей силе проявила это дарование в роли Раневской.

У спектакля «Вишневый сад» сложилась счастливая судьба. Он не только собирает неизменные аншлаги в Грузии, но и триумфально гастролирует. На Международном театральном фестивале «Мельпомена Таврии» в Херсоне Г. Габуня была награждена призом в номинации «За преданное служение театру», а после показа спектакля в Москве, в Театральном центре «На Страстном», зрители аплодировали ей 18 минут!

И, конечно, специальным показом именно этого спектакля в прошлом году в Грибоедовском отметили 60-летие сценической деятельности любимой актрисы.

«Ставя этот спектакль, – говорит Н. Свентицкий, – мы хотели внести очень светлую, красивую страницу в историю нашего театра. И это случилось. Мы счастливы, что сегодня на нашей сцене – Гуранда Габуня, выдающаяся грузинская актриса и при этом – человек русской культуры. Уверю вас, что ее путь в театре имени Грибоедова будет долгим».

Мы очень на это надеемся!

Поздравляем Гуранду Георгиевну ГАБУНИЮ с юбилеем и от всего сердца желаем здоровья, творческого долголетия, огромной зрительской любви и новых ролей – и в Марджановском, и в Грибоедовском!

«Вишневый сад»

и Клеопатре» Шекспира, Клара в «Соломенной шляпке» Лабиша, Роксана в «Сирано де Бержераке» Ростана. И так далее, и так далее... Как ей удастся идеально сочетать в одном образе страсть, ярость, резкость и в то же самое время – филигранное чувство меры? Это ее личная профессиональная тайна. Что далеко ходить за примером? В культовом советском фильме «Экипаж» она сыграла крохотную роль пассажирки самолета. Габуня появилась на экране всего на несколько секунд. А запомнили

ся своей дружбой с великим актером, – Бидзина Иванишвили. Он попросил Николая Свентицкого как можно скорее сделать театральный проект специально для Гуранды Габуня. Свентицкий, как известно, человек, который все понимает сразу. И он придумал не просто проект, а своего рода театральную сенсацию. По просьбе директора Грибоедовского режиссер Андро Енукидзе написал и поставил собственную сценическую версию «Вишневого сада». И на сцену русского театра в роли Раневской вышла

Нина Мазур

ИГРЫ РАЗУМА

— **НИНА ШАДУРИ**

Нина Мазур – театровед, театральный критик, драматург, член Германского Совета международного института театра и Международной Ассоциации театральных критиков (ЮНЕСКО). Член немецко-русского литературного общества и Международной ассоциации писателей и журналистов (АРИА, Лондон). Художественный руководитель Международного театрального фестиваля «MOST» (ФРГ), создатель, программный директор и эксперт интернациональных театральных фестивалей.

Автор, известное дело, всегда больше своих текстов, хотя бы потому, что он – это не только написанные им тексты. Но произведения, им созданные, – это субстанции, планеты, запущенные автором во вселенную, где они обретают собственную высоту, орбиту и скорость передвижения. Так сложилось, что сперва я увидела два спектакля по пьесам Нины Мазур, «Сны Гамлета» и «Это я – Эдит Пиаф», и была ими покорена. А потом познакомилась с автором и покорилась уму и обаянию Нины Зиновьевны. Не буду говорить

о постановках, хотя они заслуживают всяческого внимания и уважения. Скажу о текстах, с которых, собственно, и начинается любой спектакль. Пьесы Нины Мазур, без сомнения, игры разума. Очень, очень давно не встречала на театральных подмостках таких ювелирно выстроенных интеллектуальных конструкций. И если Станиславский следовал принципу «петелька-крючок» в актерской игре, то в пьесах Мазур «петелька-крючок» – это вообще метод построения текстов. В них нет ничего случайного, каждое слово имеет вы-

сочайший удельный вес. Слово стоит точно на своем месте, с тонким расчетом – чему-то следуя и что-то предвзя. В общем-то, любая пьеса Мазур – готовый спектакль с интеллектуальным фундаментом. А фундамент этот – тезис, допущение, утверждение или вопрос. Ну, например. Вспомните «Ромео и Джульетту», предлагает Мазур. Вспомнили? А теперь задумайтесь: а где мать Джульетты? Кто она, какая она? И понеслось. И появилась блестящая монодрама «Леди Капулетти».

Нина Мазур не умеет писать длинно. Для нее чрезвычайно важна лапидарно высказанная мысль. В любом ее тексте мысль – словно алмаз, который невозможно ни расколоть, ни распилить, ни даже поцарапать. Он всегда остается драгоценным камнем без изъяна – таким, каким его добыл сам автор. При этом драматург дает возможность режиссеру повернуть алмаз под тем или иным углом. В конце концов вставить в свою, режиссерскую, оправу. Но камень драгоценным от этого быть не перестанет. А текст Мазур непременно будет главным действующим лицом спектакля.

С Ниной Зиновьевной мы познакомились в Ереване, на Международном театральном фестивале «Арммоно». Знакомство оказалось приятным, и беседа сложилась легко, сама собой.

– **Каково, на ваш взгляд, значение и предназначение театральных фестивалей? Оно в большей степени миротворческое или творческое?**

– Будучи человеком, далеким от политики, и то же время человеком гуманистических устремлений, я полагаю, что мы рождаемся на этот свет для того, чтобы нести свет. Не нами придумано устройство мира, но театр, в частности, да и искусство вообще – как будто некий занавес между миром, в котором мы живем и который стараемся сделать лучше, и тем миром, куда мы все уйдем в конечном счете, каким бы мы его себе ни представляли.

Занавес этот колеблется холодным ветром. Но в то же самое время он дает нам возможность пройти наш путь, не будучи сбитыми этим ветром. Поэтому мне кажется, что театр и театральные фестивали – это замечательная условность, замечательный ритуал, который гармонизирует не всегда гармоничное существование человека на земле. Это высокая миссия. Надеюсь, что мы все ей служим. И служим с честью. То, что происходит за окном в это время – живая жизнь с ее волнениями, пертурбациями, переворотами, в конце концов, с ее рождениями и смертями. И фестиваль так или иначе с этим соотносится. И только придает значимости и остроты процессу созидания красоты.

– **Но ведь участники живой жизни за окном как минимум должны прийти на спектакли.**

– Старая истина – каждому свое. Одни находятся на площадях и решают важные социальные, политические вопросы, другие задают эти вопросы со сцены, третьи находятся в зале и задумываются над этими вопросами. В момент, когда решаются вопросы завтрашнего существования, хлеб насущный важнее, чем посещение театра. И люди, которые именно в такой момент придут в театр – люди особого склада. Может, и мы к ним принадлежим.

– **На фестивале «Арммоно» были представлены два спектакля по вашим монодрамам. Конечно, я не могу не спросить о ваших впечатлениях. И вообще – что испытывает драматург, когда видит свое детище воплощенным?**

– Я, наверное, не совсем нормальный драматург. Понимаете, когда я смотрю на свою взрослую дочь, то не думаю о том, что я создала это существо. Я восхищаюсь без размышлений. И, восхищаясь, не держу даже в подкорке мысль, что это моя заслуга. Точно так же я отношусь к своим пьесам. Я их когда-то создала, и они перестали мне при-

надлежать.

– **То есть вы их «воспитывали» в момент написания?**

– Да. Они выросли, оперились и ушли из гнезда. Когда я смотрю спектакли по моим пьесам – а их в мире очень много на разных языках – не думаю о том, что когда-то их написала. Я смотрю, восхищаюсь, огорчаюсь, волнуясь, но не как автор, а как зритель. Те два спектакля, которые я увидела на этом фестивале, режиссерски интересно решены и блестяще актерски исполнены. И «Сны Гамлета» в исполнении Александра Аладышева и постановке Линаса Мариуса Зайкаускаса Владимирского государственного театра, и спектакль Вологодского камерного театра «Это я – Эдит Пиаф!», который сыграла Ирина Джапакова, а поставил Яков Рубин.

– **Какие ваши пьесы наиболее востребованы?**

– Очень популярной была «Леди Капулетти». Сейчас популярна монодрама «Сны Гамлета», это новая пьеса, она написана в прошлом году.

– **А какие произведения, что называется, только что сошли с вашего пера?**

– По просьбе руководителя

Кишиневского молодежного театра «С улицы Роз» Юрия Хармелина я написала пьесу о Марселе Марсо. В труппе театра есть актер, который прекрасно владеет техникой пантомимы, и режиссер очень давно мечтал, чтобы он сыграл Марсо. Как сказал мне Хармелин, получив текст, он сразу же его прочитал, а потом не спал всю ночь – ставил в уме пьесу. Премьера однозначно не за горами. Есть еще одна пьеса, которая уже написана и отослана. Нынешний год – год юбилея Льва Толстого. Неподалеку от Ясной Поляны находится Липецкий государственный академический театр имени Толстого. В этом театре придумали драматургический «workshop», мастерскую, в которой несколько драматургов из разных стран, в том числе, и я, написали пьесы о Толстом – каждый свою. Нам дали полный карт-бланш.

– **О чем написали вы?**

– Когда я говорю о таких величавых, глыбах, как Толстой, я не занимаюсь отсебятиной и не искажаю факты. Это может быть фантазия, но до определенного предела. Нельзя шутить с биографиями великих людей. В одном из воспоминаний Максима Горького я прочла фрагмент о том, что пока он и другие гости

«Это я – Эдит Пиаф»

«Сны Гамлета»

сидели дома у Толстого, которого все не было и не было, в комнату постоянно заходила супруга писателя и спрашивала: «Кто-нибудь видел Льва Николаевича?» И я себе представила: на сцену вбегает немолодая статная красивая женщина в хорошо сшитом черном платье и спрашивает зал: «Вы не видели Льва Николаевича?»

– Пьеса так и называется?

– Было бы неплохо, кстати. Нет, пьеса называется «Гений. Штрихи к портрету». Люди, которые вплотную находятся рядом с гением, понимают, как это непросто. Гений – это не только его романы. Это живой человек, очень странный и очень сложный. В моей пьесе Софья Андреевна трижды появляется и на разные лады задает вопрос, видели ли мы Льва Николаевича. И мы понимаем, что никто из нас Толстого не видел. И она его тоже не видела. Вообще – видел ли его кто-нибудь? Мне кажется, получилась интересная пьеса. Написанные пьесы будут прочитаны этой осенью в России, в Липецке, в рамках большого международного фестиваля. Это будут именно читки с актерами, а потом уже театры решат, где и как будут ставиться пьесы.

– Вы часто произносите слово «Россия»...

– Я не россиянка. Я киевлянка по всей своей судьбе. Последние 20 лет живу в Германии, в Ганновере. Пишу на русском, как большинство выходцев из Советского Союза. Образование получила в Москве, в ГИТИСе, аспирантуру окончила в Санкт-Петербурге.

– Кого из педагогов вспоминаете с особой благодарностью?

– Прежде всего – руководителя нашего курса, профессора Николая Ильяша. Великий человек. Его уже нет, он умер перед нашей защитой. И дипломные работы принимали другие специалисты. Это был замечательный балетовед, и тема моей дипломной работы, как и последующей диссертации, была связана с балетным театром.

– С балетным театром?

– Тут нет ничего удивительного. Мой прежний муж, с которым прожита целая жизнь, был и продолжает оставаться замечательным балетмейстером, хореографом. Это мой мир. Балетный мир. Балет для меня был и остался высшим выражением человеческого духа. Я люблю слово, я человек, который занимается словом. И все-таки, как

ни странно, убеждена – то, что может сказать тело, не может сказать никакое слово.

– Тело и музыка?

– Конечно. Я в каком-то стихотворении написала: «И музыки немое море, чей тайный смысл непостижим»... Так оно, видимо, и есть.

– Как театровед, вы сначала писали больше о балете или в круг ваших интересов сразу вошел и драматический театр?

– Тут вот такая вещь. По первому образованию я биохимик.

– Дипломированный?

– Конечно, я никогда ничего не бросаю на полпути. Я была успешным химиком, многократно награжденным и отмеченным. И у меня как бы не было никаких причин в моем возрасте, очень далеко от студенческого, вдруг совершать такой невероятный поворот.

– Так почему совершили?

– Именно этот вопрос мне и задал Юрий Любимов, когда я проходила собеседование перед экзаменами в ГИТИС – почему вы делаете такой шаг, если у вас уже есть успешная карьера в другой области? Я решила отшутиться и ответила, что мне не дают покоя лавры Бородина, который тоже был химиком, а мы его знаем и любим как композитора. Маслитая профессура заулыбалась. А потом все-таки переспросила – а если серьезно? И я ответила серьезно: «На моей родине грянул Чернобыль, и я решила, что пора подумать о душе. А почему для меня это означает поступить в ГИТИС на «театроведение», ответить не могу. Я просто инстинктивно чувствую, что мне надо поставить собственную душу, как зеркало, между людьми, которые создают театр, и теми, которые сидят в зале и хотят что-то получить для своей души от этого театра. Мне хочется стать тем таинственным зеркалом, которое будет что-то объяснять, что-то укрупнять,

что-то пропускать, чему-то не давать ход». И мне сказали – ну что ж, сдавайте экзамены. Я с легкостью сдала экзамены и поступила сразу на второй курс. Поскольку я была не молода, то не имела права учиться на стационарном отделении и училась на заочном. Это был блестящий курс. Мы подолгу находились в Москве – метод обучения был таков, что нельзя было просто приехать на недельку, чтоб сдать сессию. В ГИТИСе действительно надо было находиться долго. Учиться было настолько интересно, что когда я возвращалась домой, то говорила моей семье – я не хочу заканчивать институт никогда, я хочу учиться там вечно! Это было наслаждение – какие блистательные лекции, какая изумительная профессура! Мне приятно сказать, что Алексей Барташевич, знаменитый шекспировед, поставив мне зачет, сказал: «Спасибо вам». – «За что?» – «За возможность поговорить о Шекспире».

– О, это как орден!

– Да, и я ношу это в сердце.

– Обозначим этапы пути: биохимия, ГИТИС, аспирантура, балет, драматический театр, статьи, книга, пьесы... Стихи, как я понимаю, были всю жизнь.

– Были и есть. Книгу, или точнее, монографию, я написала в Санкт-Петербурге, когда училась в аспирантуре. Тема моей диссертации была той же, что и тема книги – «Сценические интерпретации балетов украинских композиторов». Окончив ГИТИС и аспирантуру, я продолжала жить дома, в Киеве. СССР к этому времени уже распался. Украина обрела независимость, и для России я стала иностранкой. Я обнаружила, что украинские издания, занимающиеся театром, большого интереса к балетному театру не проявляют. Если случалось явление в балете, то какая-то статья была возможна, но в целом их, конечно, больше интересовал драматический театр. И я стала активно

применять свои знания – писать о драматическом театре. Параллельно поступила на службу в Министерство культуры Украины, работала главным специалистом Управления театров и проработала в этой должности вплоть до моего отъезда в Германию, который случился уже в постпенсионном возрасте. Я ухитрилась так интересно уехать, что коллеги, зная причины моего отъезда (это были серьезные семейные обстоятельства), не отдавали себе отчета в том, что произошло. Они почему-то не верили, что я уехала. Однажды я приехала в Киев на международный театральный фестиваль и на Крещатике встретилась с нашим великим актером Богданом Ступкой, который в то время руководил Национальным театром имени Франка. «О, Нина, – говорит Богдан Сильвестрович, – ты помнишь, что у меня завтра премьера?» Я отвечаю: «Богдан, а почему вы вообще не удивляетесь, что я тут?» – «А, да, ты же уехала куда-то. Так ты помнишь про мою премьеру?» Какая-то мистика происходила. Люди как будто не осознавали, что я уехала насовсем. Потом я поняла, в чем дело: это мы, именно мы, формируем мир вокруг себя, а не другие люди. Внутри себя – я не уехала никуда. В своей душе – осталась на родине. Я не стала немкой, осталась человеком своей родины, своей культуры, своего языка. Я вам больше скажу – в общей сложности дома, в Германии, я бываю не больше двух месяцев в году. И это понятно, ведь если я театровед, то должна «ведать театром», должна его знать. Скажите, что я могу знать о театре, о таком странном живом искусстве, таком мотыльковом, таком сиюминутном, если не сижу в зале и не смотрю спектакль? По интернету можно посмотреть все. Но чтобы быть тем зеркалом, о котором я вам говорила, спектакль надо видеть воочию. Если ты сидишь дома, то ты не театровед. Книга может прийти в дом. А спектакль не может. Поэтому я очень много езжу. Это,

наверное, звучит смешно, ведь люди моего возраста не бывают столь подвижны.

– Вы – другого возраста. У вас какой-то иной отчет времени в организме.

– Да, мне очень часто говорят, что я вне возраста. Я знаю, что не уйду от нормальной дологи, которая ведет от рождения к смерти. Другой вопрос, как пройти эту дорогу.

– Почему вы начали писать пьесы?

– Меня очень часто приглашали на фестивали для устного разбора спектаклей. На одном из фестивалей я встретила московского театрального критика Валерия Хазанова. Он сказал, что организует ассоциацию монофестивалей. Я не совсем поняла, какое это имело отношение ко мне. На тот момент я работала в Министерстве культуры и была профессором в университете, поскольку госслужащий в Украине имеет право только на одну подработку – преподавать. «А вы сделайте свой фестиваль», – предложил Хазанов. Мы обменялись контактами и разошлись. Идея с организацией фестиваля казалась нереальной. Признаюсь, я не люблю ни просить, ни распределять деньги. Это не мое. Я понимала, что без денег фестиваль не сделать. Но Министерство культуры не знало, как уплатить за прошедшие фестивали. Куда уж там было делать новые! А дальше случилась невероятная история, и если бы я сама не была ее участницей, то никогда бы не поверила. Буквально через две недели после разговора с Хазановым я оказалась на фестивале в Люксембурге. На обеде ко мне подошла официантка и сказала – мужчина за соседним столиком просит разрешения с вами поговорить. Я допила кофе и подошла сама. «Я возглавляю швейцарский культурный фонд, – представился он. – Мы имеем подразделения в разных странах, в том числе и в Украине. Мне сказали, что вы серьезный

и честный человек. Нет ли у вас международного проекта, на который вам требуются деньги? Подавайте заявку – мы вам поможем».

– Фантастика!

– Я вспомнила предложение господина Хазанова, пригласила двух коллег, мы написали проект, и в течение 10 лет получали финансирование фестиваля моноспектаклей «Відлуння» в Киеве. В переводе на русский – «Эхо». Потом организаторы фонда посчитали, что Украина встала на ноги – это было до Майдана. И фонд прекратил свою деятельность в стране, которой помог достаточно. А фестиваль продолжился, его поддержали власти. Я перенесла его в два крупных областных центра в западной и восточной Украине – Чернигов и Хмельницкий, чтобы фестиваль, так сказать, светил не в одну точку. Возвращаясь к вашему вопросу. В процессе подготовки первого фестиваля я обнаружила, что актеры жалуются на отсутствие или недостаток пьес, рассчитанных на одного человека. И начала писать пьесы.

– Какая была первая?

– «Это я – Эдит Пиаф». Она написана почти 20 лет назад, но в 2017 году, когда был юбилей Пиаф, пьеса обрела вторую жизнь.

– По моему убеждению, главный действующий персонаж в ваших пьесах – текст.

– Вы это очень точно определили. Например, «Сны Гамлета». Опорная точка очевидна – «Какие сны в том смертном сне приснятся?» и «Быть или не быть?». Это две фразы, которые вспомнит любой нормальный человек, если зайдет разговор о «Гамлете». Для меня самой важной стала мысль – быть как все или не быть как все? И я представила себе один и тот же повторяющийся сон, который есть и кара, и карма. Человек прожил жизнь и находится там, откуда нет возврата. Его окружают только голоса, и изменить-

ся они не могут. Так написал Шекспир. Чем ты платишь за то, что ты – не как все? И не будет ли это, в конце концов, одно и то же – и для того, кто был как все, и для того, кто таким не был? Над этим мне хотелось подумать. Гамлет – почти мальчик, храбрый, отчаянный. Ему ничего не остается, кроме как терзаться. Это не «миллион терзаний» Чацкого, это терзания человека, которому было свойственно не действовать, а наслаждаться жизнью. А ему пришлось действовать. И ничего не осталось, как умереть на руках Горацио, глядя на трупы короля, матери и Лаэрта... Говорят, цитировать себя – это моветон. Но я не чувствую своим то, что от меня ушло, и прочту вам строчки, которые написала, когда была еще очень молода: «Еще я знаю тайну слов. / Их разрушать хочу. И строить. / Воздвигну храм. Но нет покоя, / Пока не рухнет без следов. / Еще я знаю тайну слов».

– Кто входит в тройку ваших самых любимых поэтов, писателей?

– Номер один, и это не банальность, Пушкин. Потому что у Пушкина можно найти все. На втором месте – Набоков. Я считаю его гениальным стилистом, безотносительно к тому, близки ли мне его творческие и челове-

ческие поиски, жизненная позиция. У него мастерство стиля таково, что до него расти и расти. Я очень люблю стихи Уильяма Блейка. Знаю наизусть и в подлиннике, и в великолепных переводах Маршака.

– Представляю, с каким интересом слушали вас ваши студенты.

– Когда я преподавала в Институте инженеров гражданской авиации, студенты сбегали с профильных занятий, чтобы послушать мои лекции по истории искусств. Этот предмет является обязательным на первом курсе в любом вузе Украины. Помню, у меня «окно». Подходят студенты, говорят: «У нас лектор заболел, пойдете к нам, пожалуйста». – «Ребята, ну зачем?» – «Поговорите с нами. С нами никто не разговаривает». Я навсегда запомнила эту фразу...

Послесловие

Нина Мазур вошла в число 29 выдающихся людей миллионного города Ганновер, родившихся не в Германии. Этим людям посвящена изданная в Ганновере книга «Новые корни». Статью о Нине Мазур авторы завершили словами: «Она слишком принадлежит миру, чтобы принадлежать одной стране».

სანქტ-პეტერბურგის დღეები თბილისში
ДНИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ТБИЛИСИ

10 ნოემბერი | 19:00
ноября

დონ კიხოტი

ბალეტი სამ მოქმედებად

Дон Кихот

БАЛЕТ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ლენინი იაკობსონის სახელობის
სანქტ-პეტერბურგის სახელმწიფო
აკადემიური ბალეტის თეატრი

სანქტ-პეტერბურგის
გოსდარსტვენნიი
აკადემიჩესკიი თეატრ ბალეტა
იმენი ლეონიდა იაკობსონა

მუსიკა - ლუდვიგ მინკუსი
МУЗЫКА ЛЮДВИГА МИНКУСА

ლიბრეტო - მარიუს პეტიპა
ЛИБРЕТТО МАРИУСА ПЕТИПА

დადგმა და ქორეოგრაფია - იოჰან კობორგი
ПОСТАНОВКА И ХОРЕОГРАФИЯ ЙОХАНА КОБОРГА

მარიუს პეტიპას სპექტაკლის მიხედვით
ПО МОТИВАМ СПЕКТАКЛЯ МАРИУСА ПЕТИПА

დამდგმელი მხატვარი - ჟერომ ვაპლანი
ХУДОЖНИК-ПОСТАНОВЩИК ЖЕРОМ ВАПЛАН

სასცენო განათება - ვენსან მილლე
ХУДОЖНИК ПО СВЕТУ ВЕНСАН МИЛЛЕ

ა. გრიბოედოვის სახელობის თბილისის სახელმწიფო
რუსული დრამატული თეატრის სცენაზე

НА СЦЕНЕ ТБИЛИССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО
РУССКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ А. С. ГРИБОЕДОВА

ბილეთების შეძენა და დაჯავშნვა: (032) 2 931 106 | (032) 2 93 43 36
ЗАКАЗ И ПРИОБРЕТЕНИЕ БИЛЕТОВ:

Знамя Иностранного легиона Франции и князь Дмитрий Амилахвари

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

В знаменитом Иностранном легионе Франции служат неразговорчивые люди. Их дело — воевать. Без красивых слов. Но есть слова, которые повторит любой легионер. Больше стал лет звучит главный девиз: «Легион — наше Отечество» и клич: «Легион, ко мне!», после которого каждый поспешит на помощь товарищу. А с сороковых годов прошлого столетия к ним прибавился еще и завет перед сражениями: «Когда рискуешь предстать перед Богом, следует надеть соответствующую форму». Это сказал командир 13-й полубригады Легиона, грузинский князь, подполковник Дмитрий Амилахвари, отправившийся в свой последний бой при полном параде.

На родине детство и юность этого героя французского Сопротивления опалены смутными временами. Во время беспорядков 1905 года князь Ге-

оргий Амилахвари с супругой княгиней Нино Эристави перебираются из родового имения Отарашени близ Гори в более спокойную Северную Осетию. Там, в селе Базоркино (ныне Чермен Пригородного района), в октябре 1906-го у них рождается сын Дмитрий. Когда семья возвращается на родину, он учится в Тифлисской гимназии. После вторжения Красной Армии в Грузию княжеская семья на итальянском пароходе отправляется из Батуми в Турцию, а оттуда в 1922-м перебирается во Францию.

Эмиграция — нелегкое испытание для молодого человека, а Дмитрий мечтает об офицерской карьере. Исполнить эту мечту помогает родственник матери генерал Александр Эристави. В Первую мировую войну он занимался связями российской и французской армий, так что у него немало по-

лезных знакомств в Париже. К тому же он не последний человек в белоэмигрантской среде. Дмитрий поступает в училище Сен-Сир — прославленное высшее учебное заведение. Ныне это уже академия, а тогда она готовила лучших пехотных офицеров. Осваивая военные науки, молодой грузин совершенствует свой французский язык, уже во время учебы проявляет качества лидера. И в 1926-м году выпускается младшим лейтенантом, стремящимся реализовать девиз училища: «Учатся, дабы побеждать». Место службы — 4-й пехотный полк Иностранного легиона, расквартированный в алжирском городе Сиди-Бель-Аббес. А офицерское жалование позволяет помогать семье, переживающей не самые лучшие времена.

Первые бои — в Южном Марокко против войск Рифского

Родовой герб Д. Амилахвари

эмирата. Тогда-то и прозвучала еще одна знаменитая фраза Амилахвари, по-особому звучащая сегодня, когда Европу захлестнула волна эмигрантов, не испытывающих никакой благодарности к принимающим их странам. Вот эти слова: «У нас, иностранцев, есть только один способ доказать свою благодарность Франции за то, что она приютила нас: умереть во имя нашей новой родины». Он участвует во всех боях с берберами в Южном Марокко, охраняет конвои и строительства дорог. Один из руководителей Легиона генерал Гатро позже засвидетельствует: «Кампании в Марокко закаляли Амилахвари, стали тем местом, где он смог проявить свои незаурядные моральные качества и командирские способности».

В 20 лет князь получает внеочередное звание капитана и спустя год идет под венец. Конечно же, с грузинкой — княжной Ириной Дадиани. Она — младшая сестра знаменитой тифлисской красавицы Элисо, в конце 1910-х ставшей музой многих не только грузинских, но и русских художников, увековеченной в знаменитом портрете Савелием Сориным. Семья Дадиани эмигрировала тоже в 1922 году, и Ирина начинает жить с мужем по месту его службы — в марокканском Агадире. Их первенец, названный Георгием в честь деда, умирает, но в 1931-м рожда-

ется сын Отар, в 1934-м — дочь Тамара. Через год после ее появления на свет боевые навыки Дмитрия получают еще одну высокую оценку — он становится начальником Агадирской школы профессиональной подготовки Иностранного легиона.

Знаменитый генерал Жорж Альбер Катру, командовавший тогда войсками в Марокко, вспоминал про Амилахвари: «Тщетно я просил его изменить национальность и стать французом. Его ответ был неизменным и твердым. Он высоко ценил предлагаемую почесть, был преданным своей родине, куда надеялся вернуться...». Служить в Иностранном легионе без французского гражданства — не проблема для военного. Но трудности могут возникнуть у его семьи. И в 1938 году князь Амилахвари все-таки принимает гражданство Франции — ради благополучия жены и детей. На параде 14 июля 1939 года в Париже он, уже полноправным французом и самым молодым во всей армии командиром батальона, идет во главе своего подразделения.

Потом — Вторая мировая война. Для выполнения отдельных заданий формируются полубригады, численность которых больше полка, но меньше дивизии. Чаще всего — на базе Иностранного легиона. И вот, в марте 1940 года создается часть, которой суждено стать одной из самых знаме-

нитых — 13-я полубригада, прозванная потом «великолепной фалангой». В ней — свыше двух тысяч солдат и офицеров, отслуживших не менее пяти лет. Среди них — Дмитрий Амилахвари. Именно эта полубригада должна участвовать в... советско-финской войне. На помощь маленькой Финляндии, стойко сражающейся с гигантской военной машиной Советского Союза, решено послать самых опытных французских военных, и они отправляются прямо из африканских песков в скандинавские снега. Однако когда полубригада добирается до северной страны, та уже прекращает сопротивление Красной Армии.

Тем временем, после падения Парижа, на юге страны в городе Виши создается сотрудничество с немцами правительство во главе с маршалом Анри Филиппом Петеном. С его «согласия» Германия оккупирует северную часть и атлантическое побережье Франции. А легионеры, которых перебрасывают в Норвегию, вместе с британскими командос высаживаются близ норвежского города Нарвик. Этот десант должен помочь союзникам защищать порты и дать возможность сдержать наступление немцев в Скандинавии. В первых рядах наступающих — Амилахвари. Он ранен, но не выходит из боя, а на следующий день, с насоро сделанной перевязкой, штурмует Нарвик во

Удостоверение офицера Иностранного легиона Д. Амилахвари

Норвежский орден «Военный крест с мечом»

главе своего отряда.

Увы, нехватка боеприпасов и продовольствия ставят высадившихся в тяжелейшее положение и операция в Норвегии сворачивается. Один из ее руководителей генерал Рауль Монклар кратко засвидетельствовал: «Благодаря фантастическому героизму Амилахвари мы спаслись от тотального уничтожения». Больше нет никаких воспоминаний о том, как воевал князь Дмитрий в Норвегии. Зато есть свидетельства: высшая норвежская награда за храбрость – орден «Военный крест с мечом» и присвоение звания майора.

После неудавшейся операции легионеры вместе с британскими войсками эвакуируются морем в Англию. Там полковник Шарль де Голль создает антигитлеровское патриотическое движение «Свободная Франция», призвав всех соотечественников объединиться вокруг него «во имя действия, самопожертвования и надежды». Но Амилахвари возвращается во Францию – ведь она еще продолжает сражаться. Когда же его новая родина все-таки вынуждена капитулировать, князь с единомышленниками, возглавляемыми соратником по Норвегии полковником Пьером Кенигом, пускаются в опаснейшее «путешествие». Они переодеваются в гражданскую одежду и отправляются в Бретань, омываемую с севера водами пролива Ла-Манш. Там с помощью деревенского доктора находят шхуну и добираются до Англии.

Амилахвари – один из первых офицеров французской армии, присоединившихся к де Голлю. А 13-я полубригада становится не только первой французской частью, примкнувшей к освободительному движению и размещенной в Великобритании. Она – ударная сила армии «Свободной Франции». А вот остальные подразделения Иностранного легиона продолжают служить вишистам – союзникам Германии. Летом 1941-го полубригада вместе с остальными силами «Свободной Франции» отправляется из Европы в

«родные места» – во французскую Африку, очищает от вишистов ее территории и перебрасывается на Эритрейский полуостров, в Эфиопию, где идут бои с итальянцами.

Во главе полубригады уже Дмитрий Амилахвари. Кстати, он не только досрочно получает звание лейтенант-колонеля (подполковника) но и заочно, вместе с де Голлем, приговаривается вишистами к смертной казни. У него теперь высшая должность в Легионе, когда-либо занимаемая выходцем из Российской Империи. Благодаря находчивости и отваге, его легионеры играют ключевую роль в разгроме итальянских войск в Эритрее весной 1941 года. То, как проявляются эти находчивость и отвага, может служить сюжетом для захватывающего военного блокбастера.

Самой неприступной у итальянцев считалась крепость-порт Масауа. Она стала ключевым пунктом их обороны в Эритрее, а центральным в ней был неприступный форт Монтекулло. Его то и приказано взять 13-й полубригаде. Рассматриваются несколько вариантов штурма, но все они отменяются – необходимы большие жертвы, которые, к тому же могут не оправдаться. И тут один из легионеров, итальянец, ранее служивший в армии Муссолини, рассказывает князю Дмитрию, что участвовал в сооружении этих укреплений. И что с восточной стороны форта есть канализационные коллекторы, которые очень плохо охраняются. Амилахвари решает использовать именно эту «ахиллесову пятю». Возглавляемый им 1-й батальон, сметая все на своем пути, проникает в коллекторы.

Легко представить, что испытывают и как выглядят эти 400 смельчаков, прошедшие несколько десятков метров по зловонным потокам... Но зато через несколько минут они оказываются в самом центре форта. А точнее, в офицерском казино, не выходя из которого начальник гарнизона отдает приказания – настолько он уверен в неприступности укрепления. И вот, как говорит герой популярного телесериала, «картина маслом».

Знак легендарной 13-й полубригады Легиона

Атакуют 13-я полубригада

В бальном зале казино господа офицеры танцуют с дамами, когда под мелодию из «Аиды» появляется Амилахвари. Все поворачиваются на запах, принесенный из коллектора, а князь невозмутимо объявляет о падении форта и о том, что все присутствующие отныне являются военнопленными. Начальник гарнизона принимает слова князя за неуместную шутку и приказывает адъютанту «убрать вонючку из зала». Но тут появляются остальные легионеры... Вслед за фортом Монтекулло 13-я полубригада захватывает не только весь город, но и итальянский флот на Красном море. Среди 14.600 пленных – командующий этим флотом и его штаб. Так сыграна ключевая роль в разгроме итальянских войск в Эритрее.

А летом 1941 года Амилахвари уже на Ближнем Востоке. Его полубригада – в составе 1-й легкой дивизии «Свободной Франции» вместе с англичанами, индийскими и австралийскими формированиями сражается против вишистских подразделений, контролирующих Сирию. Один из приказов, успешно выполняемых раз за разом – войти в южное предместье Дамаска. Перед началом наступления Дмитрий приказывает горнисту играть «Boudin» – знаменитую песню Иностранного легиона. Но со стороны обороняющихся звучит... та же мелодия. И, приказав прекратить огонь, князь отправляется на переговоры. Оказывается, позицию защищают солдаты 6-го полка Легиона – одной из частей, оставшихся верными вишистам. Их не очень много, и у них приказ продержаться до часа ночи. Смести их 13-я полубригада может без труда, но Амилахвари обещает, что до назначенного времени не будет наступать. Чтобы обороняющиеся смогли отойти, не нарушив приказа. Слово он, конечно, сдерживает. В итоге важная позиция занята, но кровь легионеров ни с одной стороны не пролита...

На следующий год Амилахвари ждет Ливийская пустыня. Там войсками «Свободной Франции» командует его старый друг Кениг, ставший генералом. Им противостоят немцы и итальянцы

во главе со знаменитым генерал-лейтенантом Эрвином Роммелем. Прозванный «лисом пустыни», опытный германский военачальник стремится к Египту, но на его пути встает Бир-Хакейм – крепость в небольшом оазисе, давным-давно построенная турками. Она была заброшена, колодцы в ней пересохли, но британцы именно в ней создают опорный пункт. А затем выводят свои войска, заменив их 1-й дивизией «Свободной Франции», в составе которой и два батальона 13-й полубригады Легиона. Эта дивизия и принимает удар во много раз превосходящего ее противника. Фашисты, не сумев с налета взять Бир-Хакейм, обходят его. Но через 4 дня они начинают методический штурм крепости.

В окружении, фактически без воды, с нехваткой продовольствия, под авианалетами, 13-я полубригада вместе с другими подразделениями больше двух недель противостоит роммелевским танкистам. Амилахвари – на самых горячих участках. Он применяет новую эффективную систему противотанковой обороны, под огнем выводит попавших в засаду солдат, возглавляет отряды, которые дерзким рейдом уничтожают пять танков и бронетанковую ремонтную мастерскую немцев. А когда эвакуация оказывается неизбежной, он вместе с Кенигом – в головной машине. Указывающей путь колонне, которая на полной скорости, в темноте, через минные поля и под пулеметным обстрелом выходит из окружения. Когда колонна пробивается к своим, оказывается, что в машине князя Дмитрия 11 пулевых пробоин, повреждены тормоза и сломаны все амортизаторы...

Героическая оборона Бир-Хакейма показала всему миру, что «Свободная Франция» – серьезная сила, способная помогать союзникам в борьбе с гитлеровцами. И что французы могут противостоять немцам на полях сражений уже после поражения своей страны в 1940 году. Пока крепость была в их руках, солдаты Роммеля вынуждены были делать огромный крюк, чтобы снабжать горючим ушедшие вперед танки. Образно и четко сказал об этом сражении Бернард Сент-

Шарль де Голль награждает Дмитрия Амилахвари

Хиллер, воевавший под началом Амилахвари, а потом сменивший его на посту командира 13-й полубригады и ставший генералом: «Песчинка задержала наступавшие силы Оси, которые дошли до Эль-Аламейна только после того, как это сделали успевшие отдохнуть британские дивизии. Этой песчинкой был Бир-Хакейм». А одна из важнейших составляющих этой «песчинки» — князь Амилахвари.

И тут самое время предоставить слово самому Шарлю де Голлю: «Если англичанами владели смешанные чувства надежды и меланхолии, то наши люди были охвачены ликованием. Бир-Хакейм возвысил их в собственных глазах. Я был у них 8 и 11 августа... Во время великолепного смотра 1-й легкой дивизии я вручил Крест освобождения генералу Кенигу и нескольким другим лицам, в частности полковнику Амилахвари». В «Свободной Франции» это — высшая награда. Де Голль не был президентом страны и не имел права награждать кого-либо орденом Почетного легиона. Поэтому он учредил Орден освобождения — высшую французскую награду времен Второй мировой войны. В Париже есть Музей этого ордена, на мраморной доске в нем значится и имя грузинского князя. А орденом Почетного легиона Де Голль, став президентом, награждает его уже посмертно.

Орден освобождения вручается Дмитрию возле Эль-Аламейна — города на севере Египта в 106 километрах от Александрии. Под ним проходят два сражения. Первое останавливает наступление немцев и итальянцев, рвущихся к Суэцкому каналу. Во втором сражении, решающем на Североафриканском театре военных действий, группировка Роммеля разгромлена. Но Дмитрию Амилахвари не суждено участвовать во второй битве, прозванной «африканским Сталинградом». Снова воспоминания де Голля — о первом сражении под Эль-Аламейном: «Вынужденные вести бои на территории с тяжелым рельефом, имея перед собой растянутую линию фронта и хорошо укрепившегося противника, наши войска понесли значительные потери; в частности, пал смертью храбрых Амилахвари».

Вот как это было. В октябре 1942-го на крайнем юге сектора Эль-Аламейна остаткам полу-

бригады князя Дмитрия поручен отвлекающий маневр — атакой на скалы с наблюдательным пунктом немцев принять на себя их ответные действия. Разгорается яростный встречный бой. С тыла атакуют танки, орудия разбиты, прижатые к скалам легионеры отбиваются из винтовок и пулеметов. За час погибают 30 солдат и все командиры подразделений. В конце концов князь убеждается: удержать позицию не удастся. И дает приказ отступить. Подчиненные тщательно умоляют его снять кепи и надеть каску, он отказывается: каждый легионер должен видеть своего командира.

О дальнейшем поведает «Золотая книга Иностранного легиона. 1831-1955», изданная в 1958 году во Франции: «Тринадцатая полубригада находится без прикрытия под интенсивным огнем

Орден Освобождения

артиллерии и пулеметов. Командующий ею подполковник Амилахвари стоит во весь рост, хорошо видимый своими людьми, которые с самого начала кампании относятся к нему с искренним восхищением, возрастающим с каждым новым боем. Сразу четыре вражеских снаряда, выпущенных одним залпом, разорвались вблизи подполковника, и он упал, сраженный насмерть». Ему было всего 37 лет.

И еще одна цитата — из документов командования Легиона: «Его смелость была легендарной не в меньшей степени, чем выправка и спокойствие. Полковник Амилахвари являлся типичным представителем тех офицеров русского происхождения, которые пришли в Легион после произошедших в их стране потрясений. Наиболее старшие из них были офицерами еще императорской армии, самые молодые кончили наши военные училища. Они принесли в Легион свойства, весьма характерные и для Амилахвари — пламенную отвагу, смесь горячности и фатализма, глубокое чувство ответственности за жизнь своих солдат, а также тот стиль военной элегантности, по которому их узнавали с первого взгляда».

Трагична судьба и его жены. В 1944 году легионеры приглашают Ирину с детьми и сестрой

Последняя фотография Д. Амилахвари

в Бордо — на Рождество, совмещенное с вечером памяти Дмитрия Амилахвари. «Они послали за нами машину с шофером, — вспоминала дочь героя Тамара. — По пути на лесной дороге у нас лопнула шина. Машина влетела в дерево, отскочила, ударилась о другое дерево... Я была маленькой, вылетела в окно и почти не пострадала. Мой брат тоже. Моя мать, тетя и шофер погибли». Осиротевших Отара и Тамару объявляют «детьми народа» — государство берет на себя опеку над ними. Своих героев Франция чтит не на словах... А сам князь с почестями похоронен на военном кладбище в Эль-Аламейне. И вот что пишет в своей книге «Эль-Аламейн, или Русские солдаты в Северной Африке (1940-1945 гг.) Неизвестные страницы войны», изданной в Москве в 2010 году, востоковед Владимир Беляков, журналист-международник, работавший в Северной Африке:

«О Дмитрии Амилахвари я узнал из сборника «Африка глазами эмигрантов», изданного Институтом Африки в 2002 году. В нем была опубликована статья Владимира Алексинского об участии русских эмигрантов в войсках Свободной Франции». В частности, Алексинский писал в этой статье, озаглавленной: «Несколько слов о русских добровольцах в рядах войск «Свободной Франции»: «Многие офицеры войск Свободной Франции вели себя героически, но единственный офицер, прозванный легендарным героем, был русский полковник Амилахвари. В книге, посвященной 1-й дивизии «Свободной Франции», только под его фотографией написано «Легендарный герой»; в другой книге («От Монмартра до Триполи») рассказ о его смерти при Эль-Аламейне озаглавлен: «Гибель великого солдата». А с какой любовью и уважением отзываются о нем все старые солдаты «Свободной Франции», которые знали его при жизни! Среди них создан настоящий культ памяти полковника Амилахвари».

И вновь слово — Владимиру Белякову: «В сборнике «Африка глазами эмигрантов» была напечатана фотография свежей могилы героя с простым деревянным крестом. Значит, останки Амилахвари точно погребены на кладбище союзников в Эль-Аламейне. Как же я не нашел его

могилу? Выходит, надо съездить туда еще раз... В ноябре 2008 года я попал туда. Открыв раздел регистрационной книги, куда занесены имена похороненных в Эль-Аламейне военнослужащих дружественных армий, я сразу нашел координаты могилы Амилахвари: участок 8, ряд А, могила 13. Но фамилия была исковеркана. Углядеть в ней выходца из России, если вы не знали о нем раньше, было невозможно. А раньше я о нем не знал. Я указал сотруднице центра на вкравшиеся в регистрационную книгу ошибки, и она пообещала сообщить о них в штаб-квартиру комиссии в Англии».

Читатель наверняка уже заметил две ошибки в некоторых характеристиках князя Дмитрия. О нем говорят как о русском и как о полковнике. Что ж, не только во Франции всех выходцев из Российской Империи или СССР по сей день на-

Военное кладбище в Эль-Аламейне

зывают «русскими». Что касается звания, так ли важно, в каком чине погиб герой? Важнее другое: Франция о нем не забывает. В Париже его имя носит улица, торжественно отмечен его 100-летний юбилей, в Музее Ордена освобождения хранятся его личные вещи, в другом музее — Иностранного легиона — его портрет находится в галерее командиров, погибших, как говорят легионеры, «на глазах своих людей». А друг и соратник князя Пьер Кениг, став министром обороны Франции, издает приказ о том, чтобы весь выпуск Сен-Сира в 1956 году (а это 600 человек) был назван именем Дмитрия Амилахвари.

В XXI веке об этом герое вспомнили и в Грузии. Его имя присвоено улицам в Гори и Тбилиском пригороде Цхнети, на празднование 100-летия со дня рождения князя были приглашены его дочь, племянник со стороны жены и французские офицеры-выпускники Сен-Сира. Но, несомненно, он достоин еще и памятника. На постаменте которого будут высечены слова генерала Рауля Монклара: «Амилахвари — это Легион. Его военная жизнь, его энтузиазм, его подвиги и все его поступки соответствуют Легиону. Все в нем было величественным: его рост, поведение в мирное время и на войне, идеализм и постоянное, выходящее даже слегка болезненным, стремление к героизму, о котором он всегда мечтал, хотя это было нелегко — превзойти самого себя».

Заур Квижинадзе

ЧЕЛОВЕК, ДАРЯЩИЙ РАДОСТЬ

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

80-летний юбилей отмечает член Союза писателей России, Союза театральных деятелей России и международной ассоциации русскоязычных писателей, поэт, сценарист, драматург Заур Квижинадзе.

– Заур, как в детстве и юности происходило формирование ваших интересов? Под чьим влиянием?

– В детстве и юности интересы и пристрастия формировались ощущениями, связанными с только что закончившейся войной, школой и кинематографом. Я помню послевоенную страну, годы сталинских пятилеток, хорошо знаком с понятием «очередь». Знаю вкус жмыха и радость от жевания вара (смолы). С тех пор, как ребенком попал в кино, полюбил его на всю жизнь. А любимыми картинками, конечно, были трофейные фильмы. Мы жадно впитывали в себя их сюжеты, музыку, красоту. И это было очень сильное влияние, потому что мы были и Тарзанами, и мушкетерами, мы знали наизусть все диалоги и распевали эту прекрасную музыку! А еще, конечно, книги. Хорошие почти всегда были редкостью. Они зачитывались до дыр, некоторые одалживались только на одну ночь, и надо было успеть их прочитать. Тогда я узнал

и Пушкина, и Лермонтова, и Есенина, и Джека Лондона, и Дюма... Мы поглощали все, что можно было найти. И это тоже было влияние на наше мировоззрение.

– Когда вы начали писать?

– Я начал писать стихи, будучи студентом Московского энергетического института. И было это в 1956 году. Первым стихотворением стало четверостишие «Здравствуй, Грусть!». История такая: в журнале «Польша» был опубликован снимок маленькой обезьянки, которая смотрит на нас, вцепившись в прутья клетки. Снимок на меня подействовал, и я вдруг «выдал»:

«Кисть свело от железной лианы,
Слезы спят в огромных глазах...
Здравствуй, тихая Грусть обезьяны,
Здравствуй Рок неизвестности – Страх...»

Эти стихи одобрили мои друзья-однокурсники Юрий Поляков и Евгений Бубнов. Одобрение сыграло свою роль: я стал сочинять.

– Когда у вас возник интерес к драматургии?

– Когда я стал работать в литературной части Тбилисского Грибоедовского театра в 1977 году и с одобрения главного режиссера театра Александра Товстоногова начал писать пьесы. Это были поначалу детские пьесы, а уж потом я стал потихоньку вторгаться и во взрослую драматургию. Думаю, что драматургическое произведение – это то, из чего режиссер должен вылепить свою «Галатею», и на это он должен получить все права от автора. Только тогда это и станет законченным произведением искусства. Разумеется, режиссер не должен своей работой низводить автора на нет, лучше им работать вместе.

– Расскажите о «грибоедовском» периоде вашей жизни? Какими были ваши «завлитовские» и «редакторские» будни и праздники?

– Прежде всего, должен сказать, что, став однажды «грибоедовцем», я остаюсь им по сей день и не собираюсь расставаться с этим почетным для меня званием. Моими «крестными отцами» были главный режиссер театра Александр Товстоногов и директор Отар Папिताшвили. А «крестной матерью», конечно же, была моя родная сестра Ираида Квижинадзе, одна из ведущих актрис этого замечательного театра. Получив должность «литературный редактор», я окунулся в работу театра, по мере сил своих принимая участие во всех театральных процессах. Быстро освоился на новом месте, и так уж получилось, что стал востребован не только как литературный работник, но и как административный. При этом еще начал выходить на сцену, как актер вспомсостава. Я стал правой рукой директора, активно помогая Отару Папिताшвили в организации гастролей. Взял в свои руки подготовку наших афиш и другой рекламы. Выполнял поручения режиссеров-постановщиков по правке текстов пьес, по их сокращению, сочинял необходимые по ходу пьесы вставки, писал в готовящиеся спектакли песни. Театр стал для меня родным домом, и я проводил в этих стенах все рабочее и свободное время. В 1977 году я написал оригинальную детскую пьесу «Подарок Буратино», наделив ее самыми известными сказочными персонажами. Товстоногов мою работу одобрил и поручил постановку актеру Леониду Пяру. Спектакль имел большой успех и шел на сцене три сезона. Я написал песни ко многим спектаклям нашего театра. Можно назвать «Девятый праведник» Е. Юрандота, «Свободная тема» А. Чхаидзе, «Светлой памяти...» – сценическая композиция народной артистки Грузии Елены Килосанидзе, «Город без любви» Л. Устинова, «Синие кони на красной траве» М. Шатрова... При этом я сотрудничал и с русским ТЮЗом,

и с кукольным театром, писал для них песни и работал над пьесами. Создавая песни, я активно сотрудничал с нашими известными композиторами Александром Раквиашвили и Тенгизом Джаиани, которые стали моими добрыми друзьями. Вместе с замечательным режиссером Гайозом Жордания я написал инсценировку знаменитого романа Нодара Думбадзе «Закон вечности», и поставленный им спектакль с успехом шел на грибоедовской сцене и на многочисленных гастролях. Всегда буду помнить и любить замечательную грибоедовскую труппу, маленькой частицей которой был. И, конечно, я бесконечно люблю и уважаю тех, кто сегодня руководит прославленным театром – генерального директора театра, моего близкого друга Николая Свентицкого и художественного руководителя Авто Варсимашвили. Годы работы в прославленном театре я считаю одними из самых счастливых в моей жизни.

– У вас был и актерский опыт. Каким он вам запомнился?

На отдыхе

С сестрой Ириной

– Мой актерский опыт начался в раннем детстве, когда отец заставил меня выучить маленькое стихотворение на грузинском языке. И когда мы бывали на детских утренниках, отец ставил меня на табуретку, я произносил стишок, все аплодировали. А потом мне вручали сладости или игрушку. В школе я пел в хоре и участвовал в сценах художественной самодеятельности. В институте и университете я на сцене не выступал, а вот когда приехал по распределению в город Урай Тюменской области, то окупился в самодеятельное искусство с головой. Во-первых, я организовал оркестр. Сам я играл на ионике, бас-гитаре, аккордеоне и пианино попеременно. Время от времени выходил к микрофону как солист. Мы играли в клубе на танцах, в ресторане и выезжали на смотры художественной самодеятельности. А еще я был актером драмкружка, где сыграл Незнамова в «Без вины виноватые» А. Островского, и тоже с успехом. Неоднократно на смотрах самодеятельности я награждался дипломами и призами. Когда я, покинув Север, оказался на год в конструкторском бюро Кутаиси, то в драматическом коллективе Дома офицеров сыграл старшину Васкова в спектакле «А зори здесь тихие...». Придя работать в театр им. А.С. Грибоедова, в спектакле «Чудная баба», поставленном актером театра Игорем Пилиевым, сыграл настоящую объемную роль.

После переезда в Москву я сначала работал в кино. Это был киноконцерт «Мосфильм», куда мне помог попасть мой старый друг, режиссер и журналист Виктор Трахтенберг. Моиими непо-

средственными боссами были директор киностудии «Круг» Ренат Давлетьяров и режиссер Сергей Соловьев. Отработал на съемках нескольких фильмов в качестве заместителя директора, появляясь иногда в массовке. «Мосфильм» познакомил меня с замечательными людьми.

– Телевидению – новый этап вашей жизни. Расскажите о вашей работе на НТВ. В чем особенность этого канала?

– На телеканале НТВ я оказался благодаря известному продюсеру Владилену Арсеньеву, взявшему меня на работу в редакторскую службу канала. Влившись в замечательный коллектив Программной дирекции, я нашел здесь свой второй дом. Особенность нашего канала – прямой и открытый разговор со своим зрителем. Судя по рейтингам, наш канал всегда среди самых передовых. Мы любим своего зрителя, а он отвечает нам взаимностью.

– Что вас волнует в современном театре?

– Я против всякой и всяческой скуки на сцене. В спектакле очень важен ритм и абсолютная доступность для всех зрителей в зале каждого слова и каждой реплики. Из последних самых сильных театральных впечатлений – «Безразмерное Ким-танго» в московском театре «Эрмитаж» в постановке Михаила Левитина, в котором царят уникальный композитор и актер Андрей Семенов и блестящие тексты великого и неповторимого Юлия Кима. А еще я могу отметить антрепризный спектакль «Шипы и розы Эдит Пиаф», где просто блистает дочь нашего дорогого режиссера Гурама Черкезишвили Софья Терехова, вживую исполняя нелегкий репертуар великой певицы.

– Часто ли вы возвращаетесь мыслями в прошлое или предпочитаете жить настоящим?

– Конечно, пока мы активны, пока работаем, живем настоящим. Здесь, в Москве я иногда по заказу пишу песни для фильмов и спектаклей, иногда снимаюсь в сериалах как актер, работаю на своем канале. Но время от времени мысленно возвращаюсь в прошлое, которому я очень благодарен за тех людей, с которыми меня свела моя большая жизнь.

– Что вы еще хотели бы осуществить в своей жизни?

– Я хотел бы иметь возможность выпустить уже подготовленную третью книгу и был бы счастлив провести ее презентацию в дорогом и любимом мной Тбилиси. А еще я хотел бы принести побольше радости моей жене Валентине и по мере моих сил дарить радость моим родным и друзьям.

НИКОЛАЙ СВИТИЦКИЙ

Директор Грибоедовского театра, заслуженный деятель искусств России, заслуженный артист России:

Дорогой Заур! Поздравляю! Желаю тебе крепкого здоровья, много радости, успехов в работе, вдохновения в творчестве, благополучия, оптимизма. Оставайся всегда таким же энергичным, добрым и заботливым.

ТЕНГИЗ ДЖИАНИ

Композитор, заслуженный артист Грузии

Заур, дорогой мой человек! Поздравляю с юбилеем! Со светлой грустью вспоминаю годы, к сожалению, прошедшие, когда мне посчастливилось сотрудничать с тобой. Сколько персонажей ты заставил говорить своими стихами! Просто невозможно вспомнить всех героев пьес, которые благодаря тебе вдруг запели! При чем стихи к песням писались в один присест, буквально на лету! И какие стихи!!! Каждый зонг, как ты их называл, действительно был маленьким шедевром. Очень хотелось бы это продолжить. Надеюсь, что так оно и будет, и мы еще споем! А ты, дорогой мой, будь здоров. Успехов тебе, много радостных дней и пиши... пиши... пиши!

ЛЮДМИЛА АРТЕМОВА-МГЕБРИШВИЛИ

Заслуженная артистка Грузии

Про Заура говорить и трудно, и легко. Самые восторженные слова не могут передать, что за человек Заур Квижинадзе! Подобного я на своем жизненном пути больше не встречала. Совершенно уникальный по доброте, отзывчивости, особенностям характера. Если среди глубокой ночи к Зауру позвонит кто-нибудь из друзей и попросит о помощи или просто прогуляться, он сразу откликнется на призыв. У него даже сомнения не возникнет: «Гулять в три часа ночи?!» Не могу не сказать того, что чувствую: это святой человек! От Заура я видела столько добра, любви! Талантливый, красивый, чуткий... Для меня и всей моей семьи это по-настоящему любимый, родной человек.

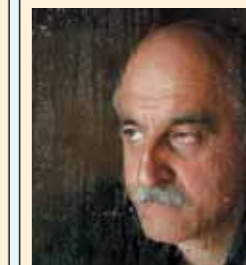

ВАЛЕРИЙ ХАРЮТЧЕНКО

Актер

Заур Квижинадзе заслуживает самых добрых, теплых слов. Во-первых, с ним связана наша молодость. А это время вызывает особенно дорогие воспоминания. Приход в Грибоедовский Сандро Товстоногова явился тем мощным импульсом, который по сути дремлющий, рутинный театр в короткое время превратил в живой, пульсирующий

организм. Творческая энергия Сандро буквально встряхнула коллектив. Актеры почувствовали свою нужность. Возникло желание не просто выживать, но, вооружившись доверием режиссера, действовать и доказывать себе и всему миру свою творческую состоятельность. Это было время сплоченности и праздника. И одним из «маяков» в этом бурном жизненном потоке был Заур Квижинадзе. Он словно мифический герой высекал огонь любви, а потом мужественно принимал на себя орды нуждающихся в приюте и тепле актеров, режиссеров, художников, композиторов, театральные критиков. Маленькая Заурова квартира на Октябрьской, видимо, была из какого-то особенного материала, она могла растягиваться до бесконечности... Если человек талантлив, он бывает талантлив во многом. Кроме широты своей души и доброго сердца, Заур – обладатель и других достоинств. Прежде всего, он настоящий ПРОФИ. Поэт. Литератор. Драматург. В Грибоедовском он был и литературным редактором, и актером. А самое главное: Заур замечательный, отзывчивый человек, человек с большой буквы. Он всегда придет к тебе на помощь, приютит и обогреет в своем уже московском доме вместе с верной и заботливой Валентиной. С днем рождения, дорогой Заур! Здоровья, радости и удачи тебе!

НИКА КВИЖИНАДЗЕ

режиссер, сценарист, драматург

У меня есть брат Заур и сестра Ира (Недавно в театре Грибоедова отметили юбилей замечательной актрисы, заслуженной артистки Грузии Ирины Квижинадзе – **И.Б.**).

Брат – геолог по образова-

Заур Квицинадзе с супругой

нию, в МГУ учился, но с этой профессией он порвал давно, потому что был и остается художником – в жизни его интересовали только искусство и литература. А сестра – актриса, хотя у нее есть и второй диплом – учительницы русского языка и литературы. Они взрослые, а душой молодые. Больше я ничего не скажу про их возраст. Скажу только, что брат старше сестры на пять лет. И у них у обоих этим летом юбилей. Это значит, что они получают много подарков, и им будут говорить приятные слова поздравлений. Мне тоже хочется сказать несколько слов. Потому что я их очень люблю.

Брат уже много лет работает на НТВ. Литературным редактором. Он, наверно, там самый старый сотрудник. Над его столом в рамочке висит диплом, которым награждают лучших работников на телевидении.

Между прочим, наши мама и бабушка тоже были творческими людьми. Они играли в народном театре. Такие театры художественной самодеятельности были открыты в советское время почти при каждом заводском или фабричном Дворце или Доме культуры, и любой желающий мог вступить в них. Мы с братом и сестрой тоже вступили. Помню, я впервые вышел на сцену в семь лет и сыграл Бабу-ягу. Отцу это дело не нравилось: он уставший при-

ходит с работы, а мы все еще на репетиции. Отец был серьезным человеком, директором крупных вагоноремонтных заводов, и нашу «легкомысленную», как он считал, увлеченность театром не разделял.

Ира работает в Грибоедовском и за почти пятьдесят лет на сцене переиграла все мыслимые и немыслимые роли, за что ей присвоили звание заслуженной артистки Грузии и Мастера сцены. Она уже давно должна была стать Народной артисткой СССР, но помешала перестройка. Если бы я был президентом, то исправил бы эту несправедливость и в честь ее юбилея присвоил ей очередное звание – Народной артистки России. Хотя о человеке или профессионале судят не по званию, а по заслугам, но все же. По крайней мере, она заслужила. А еще Ира много лет руководит молодежной театральной студией «Золотое крыльцо». Она сама ставит спектакли. В год студия выпускает несколько премьер. Ребята боготворят мою сестру. И коллеги боготворят, и друзья. Потому что она необыкновенная и добрая. А еще она оптимистка, никогда не унывает, хотя пережила многое, и жизнь ее сладкой не назовешь. Вот какие мои сестра и брат. Они настоящие. И я хочу, чтобы они долго жили и были счастливы.

Нина Калатоцишвили

КАК В ПЕРВЫЙ РАЗ

Разве время подводить итоги, пусть предварительные, в 30 лет?

Рановато. И все же актрисе Нине Калатоцишвили есть что предъявить даже самым строгим судьям.

В семь лет она получила высокое звание, которое запомнила на всю жизнь и с гордостью носит по сей день – учитель назвал ее Личностью. Нина пела в ансамбле песни на французском языке и поехала на свои первые гастроли. Занималась синхронным плаванием, училась музыке, балету, рисованию... И все-таки решила стать актрисой.

В 2010 году она окончила актерский факультет Грузинского государственного университета театра и кино им. Ш. Руставели. И сразу же была принята в труппу театра имени А.С. Грибоедова.

«Всегда – как в первый раз», – так формулирует актриса свой принцип работы над каждым новым образом. За восемь лет службы в театре она сыграла более 15 ролей. Это яркие, запоминающиеся роли в сказках и комедиях, драмах и мелодрамах: «Карьера Артуро Уи» Б. Брехта и «Гетто» Дж. Собола,

«Двенадцать месяцев» С. Маршака и «Гроза» А. Островского, «Зимняя сказка» У. Шекспира и «Маугли» Р. Киплинга, «Золушка» Е. Шварца и «Холстомер» Л. Толстого... А совсем недавно известный украинский режиссер Станислав Моисеев, приглашенный в Грибоедовский поставить «Вассу Железнову», доверил Нине одну из самых сложных ролей в спектакле – роль Рашели. Премьера уже не за горами.

Нина – человек страстный и яростный. В актерской профессии – это совершенно необходимые качества. В повседневной жизни, случается, приносит огорчения и самой Нине, и окружающим. Ну что ж, в дополнение к сказанному и в оправдание нашей героини добавим, что Нина Калатоцишвили обладает еще одним ценным свойством творческого человека – во имя высокой цели она всегда готова заплатить по счетам. Как бы велики они ни были.

Поздравляем Нину Калатоцишвили с круглой датой и желаем радости, удачи, неустанного движения вперед и исполнения самых смелых мечтаний!

ПИСАТЕЛЬ МЕЖДУ НАРОДАМИ, ЛИТЕРАТУРАМИ, ЭПОХАМИ

Интервью Елены Чхaidзе с писателем и переводчиком Александром Эбаноидзе

ОКОНЧАНИЕ

Не могу не отметить в прошедшем достойнейшее поведение моего дорогого Отии. Казалось, он первым должен был броситься в драку, тем более что всей Грузии был знаком его полемический азарт и острый язык, не уступающий астафьевскому. Но Отии было не до скандала. Он заканчивал большой роман «Черная и голубая река», в котором есть эпизоды, написанные на уровне Фолкнера и Достоевского, и не собирался отвлекаться по пустякам. Только поставив точку в многолетней работе, он написал зачинщику бучи умное, взвешенное письмо, главным в тональности которого было сожаление о случившемся и досада. Жаль, что письмо не удалось обнародовать. Отия прислал мне его вместе с русским переводом и попросил похлопотать о публикации. Я посоветовал ему приехать самому в Москву, повод того заслуживал. Но Отия и тут остался верен себе. Уточнив

перевод (важно было не исказить его тон), я сходил сперва в «Наш современник», затем в «Дружбу народов». Оба главных редактора – Сергей Викулов и Сергей Баруздин – сказали, что руководство не советует возвращаться к тягостной истории. Викулов добавил, что предложил Астафьеву извиниться перед Иоселиани в личном письме и тот якобы пообещал, присовокупив: «Чего вы взъелись на меня из-за этих «Пескарей», там, рядом, напечатан рассказ, в котором моим родным сибирякам досталось куда круче, чем грузинам... И вообще, когда я пишу, у меня от пера только брызги летят во все стороны».

Погодя я спросил Отию по телефону, получил ли он письмо с извинениями? В ответ он только хмыкнул: «Как же, как же».

Через некоторое время мы пересеклись с Виктором Петровичем на каком-то торжественном приеме. Я сказал ему, что собираюсь в Грузию, и спросил:

«Что передать Отии?» Ответ тронул меня: «Передай ему, что я его очень люблю». И вслед за этим с заботливой, почти нежной интонацией: «Как его Манана?» Манана – дочь Иоселиани, которую он видел маленькой девочкой; рано вышедшая замуж, ко времени нашего разговора она стала бабушкой. Когда я сказал об этом Виктору, он засмеялся и сокрушенно покачал головой.

Закончу эту историю словами посвящения, которые Отия Иоселиани предпослал своей замечательной повести «Звездопад», давно включенной в хрестоматии и школьные программы:

«Мой дорогой Виктор Петрович! В наших беседах ты не раз говаривал:

- Вы, грузины, не видели войны.
- Возможно, – соглашался я.
- Не видели.
- Вы, наверное, даже немецкого самолета не видели.
- И то. Я, например, не видел.

Вот уже несколько лет мы не встречались. Я соскучился по твоему раскатистому смеху и открытой прямой беседе. Дома никого, с кем можно было бы перекинуться словом. За окном прошел дождь, и выходить не стоит. Я сижу один и пишу. Пишу тебе, пишу, что запомнилось мне со времен войны.

С любовью, Отия Иоселиани».

Два больших таланта и ярких, самобытных человека, они были в чем-то очень похожи. Выросшие в нищете и сиротстве, выпестованные мудрыми, сильными старухами – хранительницами очага и традиций, они посвятили своим бабушкам слова искренней и глубокой любви. Оба своими руками выстроили свои судьбы и завоевали признание народа.

Е. Ч.: Я согласна с вами в оценке двух замечательных писателей, и все-таки мне кажется, что с этого рассказа и событий вокруг него началось развенчивание формулы «дружбы народов». Потому все, связанное с этим, очень интересно.

А. Э.: Чувствуя ваш интерес, я был подробен, может быть, даже слишком. Но вот что я думаю по существу проблемы. С начала перестройки, как только было снято табу с высказываний на национальную тему, определяющим стал уровень культуры высказывающегося. В отсутствие культуры табу необходимо. Не помню, кому принадлежит мудрая мысль: культура, в сущности, и есть система табу. Нам, людям советской эпохи, интернационализм был привит с детства. Государству удалось это. При интернационализме не было нужды в табуировании. В юности я входил в сборную команду Грузии, где рядом были представители десятка национальностей. Возникшие между нами конфликты никогда не были национальными. Не уверен, что в отсутствие большой объединяющей идеи к этому удастся вернуться. Тогда все стояло на прочном фундаменте.

Е. Ч.: Может быть, вы не обращали внимания на какие-то сигналы или намеки?

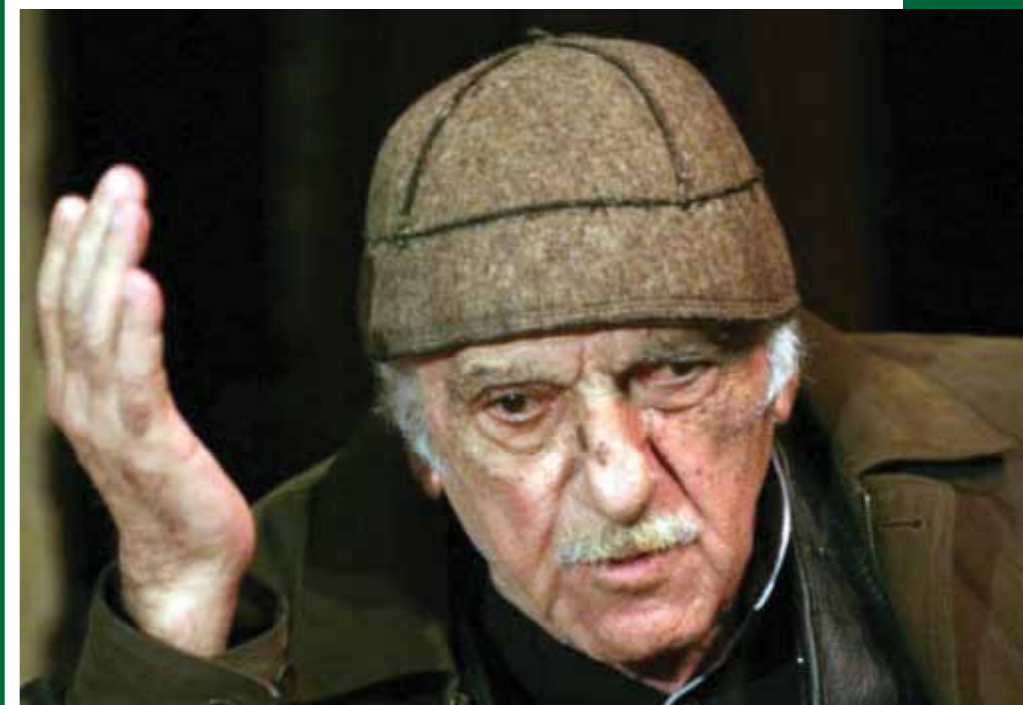
А. Э.: Возможно. Я склонен к сглаживанию углов, но я вовсе не кот Леопольд. Я исхожу из опыта своей жизни. Вот интересный и красноречивый факт: в моем архиве хранится письмо от читателя Гаглоева, осетина, живущего в Казахстане. Он пишет по-грузински и просит прислать ему мои книги на грузинском языке, потому что тоскует по стране, в которой вырос и где остались его друзья. Письмо продиктовано ностальгией. Это очень сильное свидетельство: ностальгия точней и объективней любви. В любви можно увлечься, обмануться, а ностальгия – безошибочный показатель. Невозможно тосковать по стране, где тебя унижали, нельзя мечтать о книгах на ненавистном языке.

Такого рода примеров немало, но нам нельзя утешаться подобными фактами. Еще раз повторю сказанное в начале нашей беседы: в целом мы – грузины – не справились с ситуацией и не вписались в крутой исторический вираж. В результате у нас отторгли пятую часть территории – так выглядит ситуация по факту. Чтобы восстановить территориальную целостность и обрести

подлинную, а не декларативную независимость, недостаточно «грузинской мечты», нужна упорная многоцелевая работа всего народа, нужно экономическое чудо. Вроде того, которое совершили после Второй мировой войны японцы. Разгромленные и униженные, они 10 лет все – вся страна! – жили на горстке риса с кружочком томатного соуса в серединке – копили средства. И совершили чудо. Нужно терпение, упорство и самоотверженность. А мы хотим вкусно есть, сладко пить и заодно мечтать о чуде. Это, конечно, не возбраняется. Но, размечтавшись, можно потерять страну. Кое-кто уже пытается внушить нам, что Грузия вообще выдумка жуликоватого картографа.

Не думаю, что японский подвиг нам по зубам. Мы народ легковесный. Мягкий и легковесный. Что ж, может быть, наше предназначение – оставаться такими, какими нас создал Господь. Может, это и есть наш подвиг: не подлаживаться под меняющиеся обстоятельства. Андрей Битов в своем эссе о Грузии писал: «Какая же это стойкость: вымереть таким, каким ты рожден!» Удивительно, но даже в этом достаточно горестном наблюдении пронизательного друга я склонен

Отиа Иоселиани

расслышать комплиментарный оттенок.

Е. Ч.: А вам не помешали 1992-1994 годы, абхазские и осетинские события?

А. Э.: Я не совсем понимаю, в каком смысле они могли помешать. Именно в эти годы я активизировался как политический полемист, отстаивая позиции Грузии. При этом порой прибегал к доводам столь нелицеприятным, что доброжелатели советовали мне не лезть на рожон. Тогда я тщательно следил за происходящим на родине, был, что называется, в материале. К тому же мне повезло. Моим соседом по дому оказался ближайший сотрудник Шеварднадзе, мой давний приятель Темо Мамаладзе-Степанов. Я многое узнавал достоверно, из первоисточника, а не из ангажированной прессы. Тогда что только не появлялось в московских газетах! Помню «шапку» на первой странице «Труда»: «След бен Ладена в Грузии» – и заметку, сообщающую, что, по данным спецслужб, бен Ладен руководил «Аль-Каидой» из Грузии. Подобные «утки» пугали простодушного читателя и, конечно же, настраивали против Грузии. Неслучайно по опросам общественного мнения Грузия в те годы была признана чуть ли не самым злостным врагом России.

Е. Ч.: Как на вас отразились события 2006 года, когда из России начали депортировать грузин, и 2008 года, после Пятидневной войны в Южной Осетии? Какая ситуация была?

А. Э.: Лично на мне эти события никак не отразились, разве что активизировали как публициста не только в прессе, но и на радио, в частности на «Свободе», в программе Кара-Мурзы. Я, как мог, пытался выправить кривду московской прессы.

Е. Ч.: А помните что-нибудь, связанное с абхазскими событиями?

А. Э.: Уже упомянутый Темо Мамаладзе говорил мне, что Шеварднадзе долго искал способ

Эдуард Шеварднадзе

мирного возвращения беженцев в Абхазию. Это было его главной заботой. Ради облегчения участи сотен тысяч людей, изгнанных из своих домов, со своей земли, он готов был пойти на уступки, в том числе продлить пребывание в Грузии российских военных баз. Но Черномырдин, с которым он говорил об этом в присутствии Мамаладзе, отвечал, что это не его уровень, не его «компетенция». А «компетентный» Ельцин додумался до того, что предложил разделить Грузию по Сурамскому хребту, то есть, по существу, вернуться в XVIII век. Был еще красноречивый факт с земляками, работавшими на маршрутных такси: им предлагали подготовительные лагеря на территории Абхазии, чтобы в случае неких событий принять в них участие. По-видимому, планировалась какая-то операция, но впоследствии события пошли иным путем.

Е. Ч.: Вернусь вновь к области литературы, точнее, вашей деятельности в качестве редактора. Скажите, как вы стали редактором «Дружбы народов»? Ведь в начале 1990-х русско-грузинское политическое противостояние набирало обороты?

А. Э.: В журнале я с 1995

года. Знаю определенно: то, что главный редактор такого рода издания – грузин, ценилось в «кругах», это демонстрировало Содружеству и всему постсоветскому окружению нынешнюю идеологическую раскованность.

С «Дружбой народов» я связан давно. Здесь были напечатаны все пять моих романов и наиболее значительные переводы. Но редакторство сложилось спонтанно. Журнал переживал серьезнейший кризис. Выходили сдвоенные номера (а это плохой признак), в сентябре ждали февральского номера, московская пресса острела по поводу того, что «Дружба народов» скрывает свои шедевры в запасниках. А я в ту пору издал русско-грузинский альманах «Золотое руно», чрезвычайно доброжелательно встреченный московской прессой, то есть проявил себя как организатор литературного дела. В итоге неожиданно, экспромтом меня позвали в журнал как кризисного менеджера – кажется, так это теперь называется. К концу того же 95-го года нам удалось войти в график, а еще через некоторое время на горизонте объявился Джордж Сорос; наряду с другими проектами финансист и филантроп решил поддержать «толстые» журналы. Не знаю, как в иных начинаниях, но в работе

с нами Сорос был безупречен. Мы стабильно получали финансирование по гениально простой схеме: Фонд «Открытое общество» не выдавал нам деньги, а подписывал на журналы десятки тысяч библиотек в России и СНГ. Это позволяло интеллектуально поддержать обнищавшую интеллигенцию и заодно выплачивать авторам журнала пристойные гонорары. Что касается специфики «Дружбы народов», то нам был выделен ряд грантов, на которые мы провели три серьезные региональные конференции по теме «Традиционное сознание и вызовы современности», дважды организовали мастер-классы для переводчиков нового поколения и, что самое ценное, с помощью Сороса нам удалось собрать единственную в постсоветский период представительную встречу писателей Содружества и Балтии. Встречу мы назвали «Диалог после паузы». Ей предшествовал спецномер, во вступлении к которому я отметил богатство заброшенного литературного Клондайка. Фонд «Открытое общество» сделал так много для поддержания культурных контактов на постсоветском пространстве, словно американский филантроп был заинтересован в них больше, чем кто-либо другой.

Е. Ч.: Давайте поговорим о судьбе «Дружбы народов». Что происходит сейчас, после СССР? Востребован ли он? Есть ли какая-то господдержка его существования?

А. Э.: В конце 1980-х у меня был любопытный разговор с Баруздиным, тогдашним главным редактором: я спросил, почему при колоссальном росте тиража («Дружба народов» тогда печатала почти 2 миллиона экземпляров) не увеличиваются гонорары. Сергей Алексеевич объяснил, что журнал расходует на себя меньше 20% подписных средств, остальные уходят в Госбюджет. То есть тогда не государство поддерживало нас, а мы поддерживали государство. Нынче же, загубив непродуманными реформами литературное дело,

государство и не думает спасать журналы. Из «толстяков» мы давно превратились в дистрофиков, но это никого не волнует. Понятие «гонорар» практически ушло из обихода, зато возрождается жанр витиеватых благодарностей спонсорам-покровителям.

Кто-то из коллег вывел математическую формулу: «Раньше в нашем деле за месяц можно было заработать на год, а теперь за год на месяц не заработаешь». Другой коллега, знающий положение дел в переводческом цехе, тоже был лапидарен: «Прошлое наше прекрасно, настоящее ужасно, а будущее неопределенно».

Помню в советской прессе статью, в которой было сказано, что на социальной шкале Америки место писателя между мойщиком машин на бензоколонке и проституткой. Можем быть довольны: в этом вопросе мы вписались в семью цивилизованных народов.

Поделюсь и личным опытом. Целеполагание журнала «Дружба народов» я считаю государственно важным и потому с самого начала был нацелен на решение его проблем в государственном масштабе. Отсюда встречи с президентами государств СНГ и национальных автономий РФ, руководителями верхней и нижней палат парламента, исполнительными секретарями СНГ. Однако создать работающую структуру не удалось. Не исключаю, что

косвенным образом мои усилия способствовали возникновению Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества СНГ. Кстати, на первом этапе мы успешно сотрудничали с этим фондом, но потом что-то разладилось. А нынче бюджет страны реально оскудел.

Так или иначе КПД моих усилий оказался низким. Что же касается финансовой подпитки Агентства по печати, ее едва хватает на полтора номера, а журнал должен выходить ежемесячно, и выходит, причем интересный, содержательный журнал высокого литературного качества.

Е. Ч.: В некоторых издательствах считают, что автор вообще должен быть рад тому, что его напечатали.

А. Э.: Превращение литературы в хобби – грубейшая ошибка. Выразюсь резко: симптом деградации и энтропии. Государство вроде бы ищет новую национальную идею и даже скликает на Валдай умников для ее выработки. Но ведь литература и есть та нива, на которой взрастают идеи.

Мне непонятно, для чего нужен Валдай, когда русская национальная идея существует? Ее обдумывали глубочайшие мыслители, от Чаадаева до Бердяева, и пестовали одареннейшие художники, от Карамзина до Булгакова. Она слишком крупна, чтобы ее не видеть, она никуда не де-

Александр Эбаноидзе

валась и не девальвировала, поскольку является плодом усилий, совершенно исключительных как по интеллектуальным, так и по нравственным параметрам. Это совокупный опыт и смысл, целеполагание и силовое поле русской классической литературы. Нынешние идеологи не слышат своих предшественников только потому, что реализуемый под шумок «новый проект для России» расходится с проектом Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Герцена, Достоевского и Толстого, Щедрина и Островского, Платонова и Маяковского, более того – противоречит ему. Русская классика наперед отвергла идеал нынешних либералов – общество потребления. Она давно разоблачила ценности социодарвинизма: право сильного, культ успеха, фетишизацию денег, пренебрежение моралью. А что есть классика, как не выявление глубинной сути и чаяний народа!

Е. Ч.: Как появилась инициатива подготовки тематических номеров журнала по национальным литературам бывших советских республик?

А. Э.: Начиная с 1991 года стал мелеть и сужаться канал информации о литературной жизни в сопредельных странах. К концу 1990-х этот процесс привел к осязаемому оскудению и, чтобы заполнить образовавшуюся пустоту, мы решили выпустить

ряд национальных номеров. Солидный объем журнала – около 25 авторских листов – позволял представить их достаточно объемно. Начали с грузинского номера. За ним последовали армянский и азербайджанский. С прибалтами оказалось сложнее, их мы представили большими блоками – журнал в журнале. При подготовке казахского номера открыли в Казахстане несколько превосходных русских писателей и молодых русскоязычных поэтов-казахов. Исключительно содержательным оказался проект «Многоликий Кавказ», реализованный при поддержке Фонда «Русский мир».

Е. Ч.: Каким вы видите будущее журнала, будет ли он развиваться? С уходом советского поколения не канет ли он в Лету?

А. Э.: Несмотря на врожденный оптимизм, перспектива литературных журналов видится печальной, в том числе и перспектива «Дружбы народов». У меня такое чувство, что в национальном организме России нет прежней духовной и интеллектуальной энергии, притягивающей сопредельное пространство и вовлекающей в единое культурное движение.

Но, быть может, самое пригорбное то, что на моих глазах разрушилась школа художественного перевода с языков со-

предельных стран. Это был большой вклад Советского государства в культуру. Мы не смогли его сберечь и теперь будем узнавать о наших соседях не по талантливой литературе, а из судебных протоколов, торговых соглашений и зарисовок борзописцев в желтой прессе.

Е. Ч.: Заканчивая наш разговор, хочу спросить: как вы думаете, есть ли шанс нормализации отношений между Россией и Грузией?

А. Э.: В этом вопросе я не менее оптимистичней, чем в вопросе выживания журналов. Пройдет много времени, прежде чем «...народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». По убеждениям я социалист, и социальный эксперимент, породивший СССР, близок и дорог мне. Как и Маяковский, я хотел бы, «чтобы в мире без России, без Латвии, жить единым человечьем общежитьем».

И, конечно, я хотел бы, чтобы отношения между Грузией и Россией урегулировались. Помню, как мне приходилось летать в Тбилиси по экзотическим маршрутам – через Киев, Ереван и даже Стамбул. Лет пять назад авиасообщение восстановили, но без решения вопроса об оккупированных территориях мы дальше не сдвинемся.

Под конец нашей беседы припомню метафору о русско-грузинской коллизии, спонтанно родившуюся в одном из моих памфлетов: «В пылу схватки Грузии кажется, что, подобно шекспировскому Меркуцио, она заколото из-под руки друга. Но в этом ремейке у Ромео другая роль: он не прочь поживиться тем, что останется от беспечного и задиристого собутыльника». К лицу ли России такая роль?

Е. Ч.: Спасибо вам за наш разговор!

Россия-Грузия после империи: Сборник статей – М.: Новое литературное обозрение, 2018

Юлия Блюменберг

Обрести новую жизнь

■ Юлия ТУЖИЛКИНА

Грузия – страна, которая рушит стереотипы, удивляет и позволяет удивлять, переосмысливать ценности и иначе смотреть на жизнь.

Когда-то мне казалось, что в постоянном преодолении препятствий и есть смысл жизни. Но здешняя неспешная действительность, мягкий климат, традиции и культура полностью убеждают в обратном. Жить нужно так, как хочется!

Я записала интервью женщин, которые нашли свое призвание и обрели счастье в Грузии.

Юлия Блюменберг (Санкт-Петербург). Работала бухгалтером, потом преподавателем фитнеса. С 2016 года живет в

Тбилиси.

– Юлия, как у вас появилась мысль переехать в Грузию?

– Это связано с тем, что я вышла замуж. У меня супруг успешно работал в ландшафтной сфере. Но финансово-экономические условия в России не позволили нам дальше развивать это направление. Возникла идея нового бизнес-проекта, вообще подхода к бизнесу и поиска других точек, другой территории.

– Каким образом выбор пал именно на Грузию?

– Тут два аспекта. Первый – это простота ассимиляции. С русским языком в Грузии можно жить достаточно свободно, потому что половина населения говорит и понимает нас. Второй

аспект – простота ведения бизнеса. Его легко зарегистрировать и вести. Не очень сложная отчетность и гуманные налоги. Это очень большой плюс при минимуме вложений.

– Чем вы сейчас занимаетесь?

– Сфера деятельности очень обширная. У нас три в одном. Одна из идей, которую мы сюда привезли, – это фотография. Поскольку Грузия – живописная страна, очень красивая и разнообразная, у нас была идея организовать фототуризм. И фотография стала не только увлечением, но еще и способом дополнительного заработка. Я провожу фотосессии, мы снимаем ландшафты, пейзажи, интерьеры. Фотографией мы занимаемся довольно серьезно и даже более плотно, чем в Петербурге. К этому располагает сама страна, потрясающе красивая и удивительная.

Второе направление основное – организация туров. У нас есть разного рода туры. Мы приглашаем русскоязычных туристов из всех стран. У нас бывают туристы из Америки, Норвегии, Израиля, Украины, Прибалтики.

– С какими сложностями вы столкнулись изначально?

– Нам, понимающим бизнес по-другому, было сложно свыкнуться с местным менталитетом. Мы жили немного в другом ритме. Бизнесмены в России все в очень напряженном графике. Там схема такая: от того, насколько быстро ты ориентируешься, как быстро ты решаешь проблемы, настолько ты успешен. Здесь же такая медлительность! И так неторопливо все это делается, иногда не очень качественно, с нашей точки зрения. Здесь совершенно другие стандарты качества. Но мы уже как-то привыкли.

Сложности бытовые нас иногда тоже смущают, например, когда вдруг неожиданно отключают свет или воду. Но это мелочи, к которым достаточно быстро привыкаешь. Огорчает,

что многие товары здесь просто недоступны. Какая-то техника, к примеру. Вот электронные книги долго не могли найти. Потом сломался компьютер, долго не могли найти мастера.

А так в принципе я не вижу особых трудностей. Грузины к нам относятся спокойно. Мы не стремимся занять здесь какое-то особое место, потому что тут и без нас достаточно туристических фирм. Мы хотим укрепить то, что есть и придумать другие услуги. Мне кажется, что наоборот здесь какие-то вещи проще решаются, и легче к этому относиться. В частности, здесь нет коррупции на бытовом уровне, мы не столкнулись с этим ни разу. Потом простота оформления документов, быстрая организация любых государственных услуг. Например, мы помогали в организации свадьбы, и я поразила, как это все происходит быстро, легко, без проблем. И клиенты – иностранцы приятно удивились.

Еще радует, интернет здесь почти повсеместно. Даже в горах приезжаешь, там везде есть хороший сигнал, для нас это было таким удивлением, потому что в России, в глубинке, могут быть проблемы с этим. Здесь хорошо работает почта: быстро и четко. Для нас такие вещи наоборот были только плюсом.

– Вы планируете здесь остаться навсегда?

– Как будет развиваться ситуация, мы следим за общественным настроением, за тем, что здесь происходит. Но пока мы не собираемся никуда уезжать. Нам здесь нравится! Адаптироваться в этой среде нам проще. Грузия близка российскому менталитету, это мой личный взгляд, я никому его не навязываю. И грузины нам близки, несмотря на политические неурядицы.

Нам бы очень не хотелось отсюда уезжать. Кстати, моя мама родилась в Тбилиси, а дед здесь служил. Видно, это некая генетическая память...

– Назовите три понятия, которые у вас ассоциируются с Грузией?

– Первое – это *доброта*. Это ощущение добра. Здесь чувствуешь некое умиротворение, несмотря на то, что люди порой нервные: денег нет, работы нет и т.д. Но все-таки в общем ощущение такое. Второе – *интерес к жизни*. Я поясню. В Петербурге из-за климата люди последние годы в депрессии. А сюда приезжаешь и здесь радость жизни. Да, есть и неприятности, и неурядицы, но нет того ощущения угнетенности. Третье – *искренность*. Здесь совершенно особые отношения. Это надо понять, здесь надо пожить. Грузины – это люди, которые в какой-то момент вдруг приходят на помощь совершенно постороннему человеку. Здесь это норма, и это потрясающе. Люди здесь более открытые. Тут реагируют на улыбку, я вообще поразила на этому. Ты приходишь, говоришь: «Гамарджоба!» Улыбаешься. Спрашиваешь: «Рогор хар?» И человек начинает тоже в ответ тебе улыбаться. Искренне. Они все тут делают

именно так.

Многие туристы, побывав здесь, пишут мне из дома: «Мы тоскуем по Грузии, мы не можем понять, в чем дело. Мы хотим обратно!» И дело не в хинкали. Дело в этой общей атмосфере, которая затягивает и завораживает. Я здесь открыла в себе талант и мой муж тоже. Мы никогда не думали, что будем организовывать туры по Грузии. Что мы знаем о ней? Но мы за год узнали об этой стране столько, сколько я, наверное, про Россию не знаю. Мне очень нравится открывать для себя историю Грузии. Это потрясающая страна! Когда я читаю про историю Тбилиси, удивляюсь, какие здесь жили люди. Это такой кладезь отношений и особых проявлений талантов! Для меня работа гидом – это и профессия, и страсть одновременно.

Элла Петрова, 42 года (Москва). Занималась бизнесом, маркетингом, пиаром, организацией мероприятий, стартапами, консалтингом, коучингом, социальными проектами.

Элла Петрова

– В какой-то момент я поняла, что устала от гонки и суеты, и поняла, что все мои цели навязаны обществом и социумом. А мне захотелось жить своей жизнью, и осуществлять свои мечты! За несколько лет до этого я начала свой путь к познанию себя. Мне хотелось узнать свое предназначение. Больше не хотела идти на компромиссы с собственным сердцем, душой, и делать то, что надо. Мне хотелось делать то, от чего горят глаза и волнуется сердце. Раньше для меня всегда в жизни на первом месте стояла карьера, свою личную жизнь я задвигала подальше. От этого была большая пустота внутри, но я ее замазывала, как могла и шла дальше, ведь надо было обеспечивать семью. У меня мама и сын Даниил, которому сейчас уже двадцать три года. Они вместе с мамой живут в Москве. Дня занимается видеопроизводством, сам снимает и монтирует видеоролики, и пробует себя в качестве режиссера. Я очень горжусь им! Он рано нашел свое призвание, ему в этом плане повезло.

– Почему именно Грузию вы выбрали для себя?

– Грузию я не выбирала, это она меня выбрала. Однажды я все бросила и поехала в кругосветку автостопом. Отправилась в это путешествие без целей, маршрутов, без сроков, вообще без мыслей. Я хотела освободиться от всего. Решила, что буду следовать за зовом сердца, и находиться там, где я хочу и сколько хочу. Мое путешествие стало путешествием к самой себе. Сначала я поехала в Киев, искала себя, практиковала коучинг и продюсирование личности и бизнеса, участвовала в социальных проектах. Потом проекты закончились, деньги тоже. И я поняла, что всегда мечтала путешествовать, но откладывала это, откладывала свою жизнь на потом. Долго решалась, как же лучше это сделать, куда идти. А потом в один день встала, собрала свой рюк-

зак и поехала путешествовать! Я приезжала в Грузию дважды, возвращалась в Москву, потому что заболела пневмонией в горах. По дороге возобновила отношения с отцом, с которым не общалась несколько лет. Побывала у брата и родственников, которых тоже давно не видела: всегда на это не хватало времени на путешествия и на свою жизнь, а когда есть время – нет денег. Как правило, в нашей жизни все самое лучшее случается, когда кажется, что все плохо, когда нет денег, когда не видишь выхода. И как раз в такие моменты лучше начинать что-то новое! С чистого листа, с нуля! Я перестала думать о том, как заработать деньги, отпустила эти мысли, перестала думать о миллионах решений, которые надо было принимать, перестала смотреть на часы и бывать в интернете и соцсетях. И моя жизнь улучшилась! Появилось внутреннее состояние счастья и свободы! Передо мной была дорога и все. Я и сейчас скучаю по этим временам...

Когда я впервые приехала в Грузию, сразу же почувствовала себя, как дома. Конечно, многое изменилось, когда я стала жить здесь. Быть туристом это одно, а жить постоянно – совсем другое. Мне в Грузии нравится. Природа и климат здесь лучше, чем в холодной Москве.

– Какие возможности или внутренние ресурсы раскрылись у вас в Грузии? Чем вы занимаетесь сейчас?

– В Грузии у меня появилось время для одиночества и для себя, я много пребывала во внутренней тишине. Жизнь у моря очень успокаивает и гармонизирует, я живу в Батуми. В Грузии встретила родственную душу, живу в счастье и любви. Я много чем занималась в Грузии, сначала дауншифтингом (если вкратце – это философия смены декораций), потому как не собиралась долго здесь находиться. Это своего рода тренинг для меня, отработывала

необходимые качества. Работала в ресторанах, кафе, потом уже когда решила остаться, начала развивать бизнес-клуб, коучинг. Но два года назад это очень тяжело здесь шло, и я на какое-то время забросила эту идею. Работала с московскими клиентами, оттачивала свое мастерство и вырабатывала авторскую методику ментального коучинга. И вот недавно на новой волне приехавших в Грузию экспатов-бизнесменов (тех, кто предпочитает апартаменты прочим разновидностям жилья) я организовала консалтинговую компанию с партнером. Мы проводим тренинги, бизнес-завтраки, брейнштурмы (мозговые штурмы). Это уже перерастает в бизнес-школу, где мы будем делиться знаниями и помогать друг другу в организации и развитии бизнесов. Мне в первую очередь захотелось создать для себя интересную среду для общения, потому что я не хожу по барам, обычные тусовки мне неинтересны. Я хочу общаться, меня интересует личностный и духовный рост: кто как с чем справился, кто какие качества в себе отработал, какие победы над собой совершил, что такое ответственность, осознанность, честность, доверие, любовь и свобода.

Также я открыла для себя новое направление в работе – могу быть инструктором внутри трансформационных туров. В первую очередь в своем. Я придумала такой продукт – дауншифт-тур, когда в глухой грузинской деревне в горах мы будем жить под новыми именами, с новой личной историей, без телефонов и интернета. Только живое общение. Будет много духовных, телесных практик и физическая работа! Мы будем восстанавливать источник с редкой железистой водой, он станет достопримечательностью этой деревни. Вследствие этого многие туристы захотят там побывать, а местные жители смогут сдавать свои дома, зарабатывать на этом и восстанавливать свою деревню.

Это будет крутое путешествие к самому себе и польза для природы и страны!

– Есть ли что-то, что вас тревожило или не нравилось в новой стране?

– Мне и до сих пор не нравится уровень сервиса в Грузии, и больше всего не нравятся, что немногие готовы расти и развиваться, учиться новому. Не нравится уровень ответственности: здесь сложно договариваться. Но я думаю, это скоро изменится, потому что много иностранцев делают успешные бизнесы, а местные жители уже начинают смотреть на них и задумываться об изменениях. Опять-таки наш бизнес-клуб и бизнес-школа помогут выбрать правильные инструменты, понять тенденции рынка, улучшить клиентский сервис, маркетинг, продажи и бизнес в целом. В Грузии живет много экспатов, у которых очень крутые знания в разных сферах, они готовы ими делиться.

– Появились ли у вас друзья-грузины?

– У меня есть подруга-грузинка, с которой я знакома уже два года. И вот недавно появились друзья, даже больше: они, как семья – это наша грузинская бабушка, у которой мы будем проводить наш дауншифт-тур. Кстати, мы так и назвали наш тур – «Грузинская бабушка»! Хочу отметить, что в Грузии совершенно незнакомые люди готовы помогать, приглашать в дом, и ты можешь жить там как член семьи. Вот это удивительно!

– Как вы считаете, что делает грузин счастливыми?

– Я думаю, что это чувство юмора. Юмор у них на все и всегда. Моя подруга – грузинка говорит, что всегда интереснее читать комментарии, чем сами посты или статьи. И еще семейственность и родственные связи, здесь всегда можно найти родственников.

– Продолжите фразу: В Грузии я...

– ...успокоилась и отпустила все лишнее из жизни. Здесь имеет значение только внутреннее состояние и ценность качеств человека.

Яна Гуменник, 42 года. Родом из Дальнего Востока. По профессии редактор, журналист. Последние десять лет жила и работала в Москве. В 2015 году она решила сбежать от всего, что раздражало и тяготило. И построить бизнес в Грузии. Задачу поставила себе нелегкую: за 90 дней открыть и наладить в чужой стране хостел. С минимальным бюджетом и без опыта ведения бизнеса. И справилась. Параллельно запустила группу ВКонтакте «Девушки путешествуют по Грузии», в которой рассказывает, как лучше путешествовать по Грузии: маршруты, обзоры кафе, рынков, достопримечательностей... А потом родился новый проект – девичьи туры по стране.

Яна Гуменник

– Яна, расскажите, чем интересен девичий тур?

– Маршрут наш по основным достопримечательностям Грузии. Но главное не сам маршрут, а его составляющая. Это общение, это девчачьи разговоры, обсуждение мыслей и проблем. Вот в прошлом году, к примеру, все девочки жили в нашем хостеле. Кругом были бигуди, косметика, наряды... Атмосфера была правильная – девчачья. Тур у нас атмосферный, и обстановка была соответствующая. Девушки рассказывали о своих увлечениях, делились книжными пристрастиями. Они наряжались, красились, прихорашивались. Кто-то из них проговорился, что не может себе такого позволить дома, так как живет в напряженном графике. А тут они расслабились, были такие красивые, цветущие. Каждый вечер девушки гуляли, устраивали себе шоппинг. Да золотые девчонки! Они настоящему сдружились, сейчас поддерживают отношения, некоторые ездят друг к другу в гости. Они следят и за нашими новостями, то есть мы не теря-

В винном подвале

емся. Мы стали уже такими хорошими друзьями. Возможно, мы когда-то еще встретимся.

Вспоминается еще один яркий момент. Мы повели девочек на мастер-класс грузинской кухни. И уже во время застолья, когда все отведали национальные блюда, девочки запели русские народные песни, немало удивив грузин. И потом девушки вместе с поваром пошли гулять по Руставели. И там встретили музыкальную группу, которая пела на улице, это обычное явление в Тбилиси. Так вот наши девочки там тоже запели, отобрали микрофон, устроили настоящий праздничный концерт. Русские и грузины вместе танцевали, пели и веселились. Вот такая атмосфера наших туров.

– Когда вы планируете тур в этом году?

– В этот раз мы стартуем в сентябре, и половина группы уже набрана. Программа у нас очень насыщенная. В прошлом году девочки устали от экскурсий и сказали, что после такого отдыха нужен еще дополнительный.

– Что и кого подарила вам Грузия?

– Грузия подарила мне ощущение свободы. Я люблю эту страну. Вижу, как любят грузины свою страну, искренне, глубоко. В этом плане я им даже немного завидую.

И еще Грузия подарила мне ощущение правильности выбранного пути. С того времени, как был открыт хостел, я стала понимать, чего хочу. И вот сейчас у меня все проекты крутятся вокруг Грузии, и я понимаю, что иду в правильном направлении. Еще Грузия подарила мне очень много знакомых, которые постепенно становятся моими друзьями. Такого количества искренних встреч, разговоров у меня не было ни в Москве, ни на Дальнем Востоке. Мне кажется, что в Грузии я не встретила ни одного плохого человека. Грузия нас свела. И мы поддерживаем с ними отношения. Удивительно, что люди, раз побывав в нашем хостеле, поддерживают со мной связь. Я так рада этому.

А еще эта страна подарила мне делового партнера Елену Саркисову. Она в свое время подхватила управление хостелем.

В прошлом году была великолепным организатором наших туров. Это человек неумной энергии. Лена родилась в Грузии, но сейчас живет в Москве. Благодаря Елене хостел приобрел дизайнерский неповторимый вид, стал еще более уютным, многие рабочие процессы были отлажены. Вообще эта страна свела меня с россиянками, которые тоже, как и я, на каком-то этапе своей жизни решили уехать в Грузию и что-то там делать. Мы с ними по энергетике очень совпадаем.

И, конечно, Грузия подарила мне ощущение того, что это мое место. Я сейчас знаю, что буду стремиться к тому, чтобы на старости лет купить дом где-то в пригороде Тбилиси, в горах. Именно там я хотела бы жить.

Колорит Грузии имеет много составляющих. Это свечи-кипарисы, холмы и горы, озера, реки и море, древние храмы, монументальные здания, опустевшие горные деревушки, тбилисские дворики, роскошные базары и, конечно, привычки, обычаи и характер жителей. Грузия такая разная, но одинаково для всех приветливая.

С Евгением Леоновым. 1982

ФУТБОЛЬНЫЙ МУДРЕЦ

■ Демико ПОЛАДЗЕ

В этом году исполнилось бы 80 лет человеку, имя которого золотыми буквами вписано в историю грузинского футбола. Под руководством Нодара Ахалкаци тбилисское «Динамо» достигло невиданной победы на международном поприще – 13 мая 1981 года был выигран Кубок обладателей кубков УЕФА. Благодаря, в первую очередь, старшему тренеру команды маленькая Грузия заблистала на огромной футбольной карте мира. А еще при этом наставнике динамовцы стали чемпионами СССР и дважды побеждали в розыгрыше Кубка СССР, выиграли серебряные и трижды – бронзовые медали чемпионатов СССР. К таким достижениям не смог приблизиться ни один из наставников тбилисского «Динамо». И наша страна всегда будет благодарна Нодару Парсадановичу за это.

Я не был лично знаком с этим замечательным человеком, хотя всегда был его поклонником и многое слышал о нем. Я знал, что помимо сторонников у него были и противники, но, благодаря своему человеческому достоинству, он заслужил всеобщее уважение. Он был

верным другом, не переносил предательства. Однажды мне довелось прочесть его личные записи. Мысли Ахалкаци о политике и экономике, о спорте, медицине и искусстве, его глубокая эрудированность вызывают восхищение. Наша любимая команда была в руках многосторонне развитой личности, но, как я слышал, он никогда не позволял себе быть категоричным там, где нужна была профессиональная компетентность. Это тоже определялось его высокой нравственностью.

До того, как стать тренером,

На стадионе

Нодар привлек к себе внимание своей игрой в тбилисском «Локомотиве». Из-за генетически predetermined солидного веса и дефицита скорости он не смог до конца проявить талант, данный природой, но необычайной техникой, талантом комбинационной игры всегда выделялся в команде. Он не смог играть в большом футболе, но зато как тренер заслужил всеобщее признание.

Михаил Якушин, великий тренер, заменой себе в тбилисском «Динамо» видел только Нодара, потому что верил в него. И ожидания оправдались. В 1976 году Ахалкаци задумал создать замечательную команду. Какой же личностью он был? Первое и самое главное – для достижения намеченной цели ни перед чем не отступал. Загадка его таланта скрыта в глубине его души: он был человеком твердых принципов, для которого не существовало мелочей. Он пришел в «Динамо» для больших побед и все задуманное сбывалось. Как футболисты верили ему! Когда Давида Кипиани спросили, что больше всего он ценит в своем тренере, звезда всех времен тбилисского «Динамо», не задумываясь, ответил: «Честность! Ахалкаци – человек, который не изменит своим принципам и ничего не сделает лично для себя как в спорте, так и в жизни».

В его тучной фигуре трудно было узнать футбольного тренера, даже во время игры он не проявлял эмоций. Но все знали: мысленно он находится на поле, анализирует ситуацию

и кроме его команды для него ничего другого не существует. Выдающийся футболист Никита Симонян сказал о нем: «Ахалкаци – наш общий!». Неслучайно Нодар был одним из членов «тренерского триумvirата» сборной СССР на Чемпионате мира-1982 в Испании. Там он делал главный акцент на технически красивом футболе, тогда, как Константин Бесков – на физической форме, а Валерий Лобановский – на тактической подготовке команды. К сожалению, из-за неуступчивого характера Нодара ему не давали возможности высказывать свое мнение, к тому же у каждого из трех наставников сборной были свои взгляды, принципы... И с каким результатом вернулась команда из Испании, все хорошо помнят.

В родном клубе тренер-реформатор выбрал путь завоевания футбольного Олимпа. И достиг успехов, потому что благодаря прекрасной интуиции легко докапывался до истины, видел индивидуальные качества футболиста, рационально использовал талант и возможности каждого. После победы в Дюссельдорфе, когда Давид Кипиани уже покинул команду, Нодар заявил, что стоит перед фактом создания нового коллектива. Его надеждой стал Виталий Дараселия, на котором должна была строиться игра «Динамо». Но в декабре 1982 года Дараселия погиб, и надежда возрождения команды не осуществилась...

К сожалению, несмотря на победы тбилисского «Динамо» под руководством неординарной личности и творца собственного стиля, Ахалкаци не обошла стороной несправедливая критика – уж очень он не уместился в рамки стереотипов. В природе не существует человека, который бы не допускал ошибки. Но важно, кто и с какой целью будет подсчитывать эти ошибки. Нодар Ахалкаци был там, где должен был быть, и делал то, что по сегодняшний день лучше него никто не сделал. И результат был соответствующий: «золотая эпоха» в грузинском футболе, красивейшая коман-

Во время матча

да с авторитетом в футбольном мире, награды высшей пробы, счастливые лица и переполненные стадионы. А что сделали те, кто критиковал и противостоял ему?

По окончании тренерской карьеры Ахалкаци внес огромный вклад в создание и успешную деятельность Федерации футбола Грузии, обретшей независимость. Он был президентом этой организации с 1990 года до 25 января 1998 года. То есть до того дня, когда по пути в Тбилисский аэропорт у него остановилось сердце. Он должен был лететь в Москву, на розыгрыш Кубка Содружества. Произошло это через три недели после его 60-летия.

Нодар Ахалкаци посмертно награжден высшей наградой ФИФА Орденом Чести – «За выдающийся вклад в развитие футбола». Его именем в Тбилиси названы улица и 9-я средняя школа, в которой он учился и где установлен его бюст. А когда мы говорим об этом человеке, привнесшем в грузинский спорт новую футбольную эстетику и исполнительское искусство,

С Кубком кубков

перед глазами всплывают лица восторженных болельщиков, противостояние футбольных грандов и фейерверк фантастических комбинаций. Мы всегда будем помнить, что под «дирижерством» Нодара Парсадановича в полный голос зазвучала грузинская «футбольная полифония», где воедино слились стиль коллективной игры и индивидуальное мастерство. Это был Ренессанс нашего футбола.

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ, ШЕКВЕТИЛИ!

С 23 по 30 июня 2018 года на Черноморском побережье Грузии, в Шекветили, по инициативе Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» уже в третий раз работала Международная Летняя школа актерского мастерства, в которой приняли участие студенты актерского и продюсерского факультетов ГИТИС-а, русская группа выпускного курса актерского факультета Грузинского государственного университета театра и кино имени Шота Руставели (мастерская А.Э. Варсимашвили), студенты Департамента славянских языков и литературы Гарвардского университета (США).

Занятия с участниками Летней школы провели Григорий Заславский (ректор Российского института театрального искусства (ГИТИС-а), театральный критик, кандидат филологических наук) и Марина Перелешина (преподаватель кафедры радио и телевидения факультета журналистики МГУ им. Ломоносова).

В этом году проект был посвящен 125-летию со дня рождения Владимира Маяковского. В программу вошли занятия по

мастерству актера и сценической речи, лекции по истории русского театра, работа над постановкой пьесы Ольги Погодиной-Кузьминой «Председатели земного шара», посвященной жизни и творчеству Владимира Маяковского, а также поэтические чтения.

28 июня учащиеся и преподаватели посетили село Багдати, где 19 июля 1893 года родился будущий великий поэт, а также город Кутаиси – там семья Маяковских жила с 1902 по 1906 годы, и Володя Маяковский учился в городской гимназии. Участники Летней школы провели поэтические чтения в Доме-музее поэта в Багдати, возложили цветы к памятнику Маяковского в Багдати и памятнику в Кутаиси, перед зданием гимназии.

Своими впечатлениями делаются участники Летней школы.

Мария Липодаева (Россия):

– В вечер открытия каждый курс подготовил творческие номера, привнося в них национальные особенности своей страны и стран других участников. Студенты ГИТИС-а исполнили песню «Ой, люли...»,

станцевали русские народные танцы, показали этюд, а в конце вечера вручили подарки всем студентам. Студенты Гарварда исполнили песню «Mamma mia» легендарной группы ABBA и национальную грузинскую песню «Тбилисо». Представители Грузии учили танцевать лезгинку и исполнили попури из песен на грузинском языке.

На протяжении всех дней мы активно принимали участие в занятиях по мастерству актера и сценической речи. И каждый день устраивались тематические вечера, связанные с творчеством одного из самых выдающихся поэтов XX века – Владимира Маяковского.

С самого начала поездки под руководством педагога по сценической речи Марины Витальевны Перелешинной мы работали над пьесой «Председатели земного шара» Ольги Погодиной-Кузьминой, выстраивали интересные мизансцены.

30 июня завершила работу Летняя школа на сказочном побережье Шекветили. Всем очень грустно было расставаться, но эти семь дней запомнятся на всю жизнь, воспоминания о них еще долгое время будут греть нам душу...

Шушан Джаноян (Россия):

– Это была неделя абсолютного счастья. Мы работали, знакомились друг с другом, влюблялись в Грузию. Репетиции часами напролет на берегу моря под шум прибоя. Мы сделали работу, которая лично для меня очень дорога, и которую я буду вспоминать очень долго. Мы – председатели земного шара!.. Нам повезло найти близких по духу людей. И я знаю, что эта встреча неслучайна и это только начало большой истории. Хочется сказать огромное спасибо всем, кто организовал эту поездку. Людям, которые познакомили нас с этой страной. Людям, благодаря которым мы познакомились с ребятами, которых уже можем назвать своими друзьями. В сердце сейчас любовь и тепло. Спасибо, Грузия!

Эльдар Зверев (Россия):

– Поездка в Грузию оказалась для меня одним из самых незабываемых приключений. Грузия – это место, которое не только славится своими красотами гор или иными пейзажами, а это прежде всего люди. Люди в этой стране совсем другие. Они ценят сегодняшний день, они живут свободой и эту свободу у них отобрать никто не сможет. Благодаря Грузии я познакомился и влюбился в отличнейших ребят. Спасибо большое Николаю Николаевичу Свентицкому. Такого радушно и тепло приема никто ни-

Багдати, во время которой мы смогли по-настоящему оценить и восхититься этим маленьким, но в то же время богатым на достопримечательности городом. Я думаю, мы побывали в уникальном месте, куда каждый человек обязан съездить хотя бы один раз в жизни, это поможет лучше понять творчество великого поэта. Мы побывали в прекраснейшем городе Батуми, где целый день знакомились с удивительными и прекрасными уголками этого города. Кроме колоссального опыта и знаний, которые я получила в этой школе, я обрела друзей из России

У дома-музея В. Маяковского

когда не видел, а уж тем более не испытывал. Грузия, мы скоро вернемся!

Гванца Шарвадзе (Грузия):

– Мне было интересно познакомиться с практическим опытом людей из разных стран, с разными методиками образования, а следовательно, и с разными подходами к изучению театрального мастерства. Я ждала обмена опытом и получила это.

Эта поездка полностью оправдала мои ожидания: прекрасный преподаватель – Марина Перелешина. Благодаря ее урокам мы погрузились в удивительный мир театрального искусства. У нас была интереснейшая экскурсия в Кутаиси, где мы побывали в Доме-музее Владимира Маяковского в

и Америки. Это люди, общение с которыми каждый день приносило мне уйму положительных эмоций и безграничного счастья, я убеждена что каждое знакомство в этой школе – новая дружба на всю жизнь, и оставшийся путь мы пройдем вместе.

Я получила огромное удовольствие от этой поездки, а также смогла улучшить свои навыки. А что может быть лучше летних каникул, во время которых ты делаешь вклад в собственное развитие и обретаешь новых друзей?

Вероника Егорова (США), директор программы «Гарвард в Тбилиси»:

– В Шекветили учились, работали, знакомились и общались молодые люди из Грузии,

России и США. Тон задавал Маяковский. Наши студенты познакомились с интереснейшей судьбой и творческим наследием великого русского поэта, родившегося в Грузии, участвовали в поэтических и творческих вечерах. После интенсивных утренних занятий русским языком для наших студентов проводились мастер-классы по дикции и сценической речи. Вечерами вместе пели, читали Маяковского и ставили спектакли.

Такие проекты в наше время имеют особый смысл и способствуют укреплению необходимых социальных, культурных и коммуникативных навыков студенческой молодежи, развивают толерантность и инициативность. Ведь ни телевидение, ни интернет не заменят ощущений теплого моря, ласкового солнца, лета и постоянного живого общения, которое дало ребятам возможность окунуться в жизнь другой страны, обсудить, чем дышит и живет ее молодежь, услышать разные мнения о том, что происходит в мировой политике, экономике, культуре и образовании. Занятия, стихи и песни на трех языках, театральные постановки и общение, общение... Языком общения был русский. Здесь сошлись желания изучать русский, на котором созданы высочайшие образцы мировой литературы, сохранять его, говорить по-русски и поддерживать роль русского языка как языка понимания, доверия, высокой культуры и терпимости.

Мы сердечно благодарны Николаю Николаевичу Свентицкому и Международному культурно-просветительскому Союзу «Русский клуб» за возможность побывать в летнем театральном лагере. Гарвард принимает в нем участие второй год, и мы искренне надеемся, что сложившиеся теплые дружеские отношения и взаимопонимание позволят нам и в будущем встречаться на гостеприимной грузинской земле.

Валентин Никитин

Вернуться в Грузию пора мне...

■ Мария ФИЛИНА

Уплыл от нас в вечность Валентин Никитин. Судьба распорядилась так, что это «уплыл» стало буквальным. Он приехал на Международный симпозиум в Институт Руставели, прочел блестящий доклад о мистицизме Николоза Бараташвили, был счастлив, что мог повидаться с друзьями. И поехал в Кобулет, чтобы увидеть море. Вошел в море, поплыл, вернулся, а на берег уже не вышел. Отказало сердце.

Мы, его друзья и коллеги не могли поверить, настолько он был энергичен, полон планов. Кончина его стала словно мистическим прощанием с родной Грузией. Лишь после ухода Валентина мы начали ощущать, что не осознавали до конца масштаба его дарования и деятельности.

Удивляет даже перечисление его основных интересов и занятий: поэт и литературовед, теолог, исследователь православной богословской мысли, русской религиозной философии,

специалист по культурологии... И в каждой области – десятки изданий, книг, сборников, статей, выступлений.

А перечислить общественные и научные должности на протяжении жизни просто невозможно. В начале пути: нештатный референт в Институте научной информации по общественным наукам (1972 г.); старший библиотекарь научной библиотеки им. Горького Московского государственного университета (1973 г.); литературный консультант (рецензент) в журнале «Студенческий меридиан» (изд. «Молодая гвардия», 1974-1976 гг.).

С 1977 г. на протяжении 16 лет – постоянная работа в Издательском Отделе Московского Патриархата (Русская Православная Церковь (старший научный редактор, с 1991 г. – заведующий отделом «Вера и знание»). В годы работы в книжной и журнальной редакциях Издательского Отдела Московского Патриархата публиковался на

страницах «Журнала Московской Патриархии», участвовал в наиболее крупных монографиях по истории Русской Православной Церкви, вышедших к 1000-летию Крещения Руси (1988 г.), в частности, редактировал 12 томов богослужебных «Миней Месячных», с жизнеописаниями русских, грузинских и вселенских святых. Опубликовал более 500 статей в светской и церковной печати о русских и грузинских религиозных деятелях, писателях и философах, о проблемах культуры, вопросах взаимодействия Церкви, общества и государства, в защиту окружающей среды и т.д.

В 1998-1999 гг. составил в качестве куратора раздела «Грузинская Церковь» для «Православной Энциклопедии» (подготовлена к изданию под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II) «Грузинский словарь» – более 450 имен грузинских святых и подвижников, деятелей грузинской культуры и Церкви.

Словник был передан В. Никитиным Католикосу-Патриарху всея Грузии Илию Второму (в Тбилиси) и руководителю церковно-научного центра «Православная энциклопедия» С.Л. Кравцу (в Москве). К сегодняшнему дню в «Православной Энциклопедии» опубликован ряд статей о святом Або Тбилели, в основу которых положен упомянутый словарь. Продолжалась работа над серией статей, посвященных Грузинской Церкви, которые войдут в отдельный том.

В 1995-1996 гг. возглавлял в должности главного редактора радиостанцию «София» – официальный рупор Отдела религиозного образования и катехизации, вещавший по 1-й программе Всероссийского радио. В этом синодальном Отделе в должности главного редактора православного радио «Логос» работал доньше.

В 1990-е годы Валентин Никитин преподавал курс журналистики, был заведующим кафедрой церковной журналистики Православного университета им. св. ап. Иоанна Богослова. В 1997-2000 гг. был редактором-составителем программ радио «Благовест» («Христианский Церковный Общественный Канал»). Это далеко не все.

...Навсегда врезались в память ранние встречи с Валею. Я была студенткой первого курса отделения русской филологии Тбилисского государственного университета, Вадентин Никитин – выпускником. Уже тогда о нем говорили как о явлении. Потом мы осознали, что учились и начинали работать в годы мажорного застоя. Тогда мы просто жили и пытались заглянуть за пределы официально дозволенного. В Тбилиси, в ТГУ это позволялось чуть больше, чем в Москве и Ленинграде. На первом же курсе я слушала доклад В. Никитина об Андрее Белом и его религиозных взглядах, собравшем не только студентов, но и профессуру. Со свойственной ему страстью Валентин рассказывал о тайных (возможно,

для нас) сторонах поэзии Серебряного века, о мистицизме символистов с поразительным уже тогда знанием русской поэзии. В 1970 году только в Грузии удалось отметить юбилей Бариса Пастернака, и Валентин Никитин выступил с замечательным словом, о котором историк литературы, наш профессор Лина Дмитриевна Хихадзе говорила с полным, даже несвойственным ей, восторгом.

На похоронах отца Валентина, прошедшего всю войну до Берлина и нашедшего с семьей вторую родину в Грузии, рядом стояли военные, в том числе политрук, и священник, отпевавший покойного. Тогда, в 1976 году, это было почти невозможно. Священника, естественно, пригласил Валя, постепенно становившийся, как теперь принято говорить, воцерковленным. После окончания университета он пытался поступить в Москве в Духовную академию. Не приняли по той причине, что он уже имеет высшее образование. Тогда Валя стал своего рода светским служителем идей богословия. Он женился по любви на внучке великого русского философа Павла Флоренского, в семье появилось трое детей. Долгие годы Валентин изучал, комментировал, издавал труды Флоренского, подчеркивая грузинские связи ученого.

Своей миссией Валентин считал труд по сближению русской и грузинской церковью, посвятив этому архивные занятия, бесчисленные публикации, выступления на конференциях и во время встреч деятелей церковей, часть из которых состоялось по его инициативе, выступления на радио.

В своей биографии В.Никитин пишет: «В 1977 г. мной был подготовлен список грузинских святых, для включения в Православный Месяцеслов церковного календаря Русской Православной Церкви. Таким образом, по благословению Патриарха Пимена, в 1978-1979 гг. состав календаря, издаваемого Московской Патриархией, пополнился именами нескольких десятков грузинских подвижников и мучеников.

В 1983 г. в составе официальной делегации Русской Православной Церкви принимал участие в юбилейных торжествах по случаю 1500-летия автокефалии (независимости) Грузинской Православной Церкви, состоявшихся в Тбилиси и Мцхета. В преддверии этого юбилея и впоследствии участвовал в качестве эксперта, члена историко-богословской комиссии, в собеседованиях Русской, Грузинской и Константинопольской Церквей, увенчавшихся признанием независимости Грузинской

Церкви со стороны Константинополя (Московский Патриархат эту независимость признавал и признает, как и законное место Грузинской Церкви в диптихе Православных Церквей).

...В обширном списке моих публикаций немалое их число посвящено грузинским святым: 32 статьи во 2 и 3 томах «Настольной книги священнослужителя» (М., издание Московской Патриархии, 1978-1979 г.) и серия статей в «Минях месячных» (М., 1976-1989, тт.1-12), получивших высокую оценку Его Святейшества и Блаженства Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II.

Ряд агиографических и церковно-исторических статей во славу Грузинской Православной Церкви, грузинских святых и святынь, в честь достославных деятелей грузинской истории и культуры опубликован мной в «Журнале Московской Патриархии» и других периодических изданиях».

Библиография изданий В. Никитина занимает несколько страниц – стихи, исследования, биографии, речи, архивные материалы. В 2001 году он издал книгу «Основы православной культуры. Учебное пособие по культурологии и религиозно-

дению для студентов высших учебных заведений» – живое описание разных сторон славянской духовной жизни – от византийских источников до современной церкви. И огромный материал по храмостроительству, иконописи, житиям святых. Я знаю многих, кто использует книгу в своих лекциях, мои магистранты-слависты годами с благодарностью черпают знания, каждый в меру возможностей, из этой, по сути, энциклопедии славянской духовности.

Когда пытаешься охватить общественную работу Валентина, думаешь, что имеешь дело с несколькими людьми – одному не под силу действовать в столь разных организациях, начинаниях, встречах. И опять-таки это особая общественная работа – налаживание связей, часто разрушающихся в нашу жестокую эпоху. Удивительно, но Валя всегда находил кратчайший путь к сердцам и даже к организациям, минуя любые формальности. Сегодня, когда общественная жизнь измеряется проектами и грантами, требует подчинения стандартизации, остается поражаться, как В.Никитину с его абсолютной нестандартностью удалось столько начинаний. Видимо,

свыше было дано, чтобы его слово-дело было услышано.

Читаешь список его занятий и понимаешь – о некоторых организациях большинство и слухом не слыхивало. Так, в 1989-1995 гг. он являлся координатором межконфессиональной секции культурно-экологической акции «Возрождение» (организована под эгидой Союза кинематографистов России); с 1989 г. – член Центрального Совета, с 1992 г. – вице-президент Экологического Интернационала Зеленого Креста и Зеленого Полумесяца, главный редактор газеты «Эко-Интер»; в 1991-1993 гг. – председатель Комиссии по культуре Союза православных Братств; в 1994-1997 гг. – член Политсовета Российского Христианского Демократического Движения (в 1991-1995 гг. – член редколлегии газеты «Путь», официального органа РХДД); с 1995 г. – член редколлегии Патриаршего издательства «Крутицкое подворье».

В. Никитин был членом правления Общества им. Н.Ф. Федорова (с 1990 г.); членом редакции и обозревателем журнала «Наука и религия» (с 2007 г.); действительным членом Российской Академии естественных наук (с 2001 г.); сопредседателем регионального Движения в защиту семьи «Медиана» (с 1997 г.); главным редактором православного радио «Логос» (Отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, с 1998 г.); членом Исполнительного комитета «Союза православных граждан России» (с 1999 г.); членом редакционной коллегии журнала «Вестник русского христианского движения» (Париж – Нью-Йорк – Москва, с 2000 г.); профессором, действительным членом Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка Российской Федерации (с 2001 г.); доктором философии, профессором Всемирного Распределенного Университета (Брюссель, с 2002 г.); старшим научным сотрудником «Мультимедийного комплекса акту-

альных искусств» (Московский Дом фото, с 2003 г.); членом «Международной общественной организации по спасению памятников архитектуры и ландшафта», (США, с 2006 г.).

Невозможно представить, как можно было хотя бы по разу посетить эти общества, а он в деятельность каждого внес значительный вклад.

Но особо дорога была Валентину русско-грузинская общественная миссия, которую он воспринимал как призвание объединять две свои любимые родины. В 2000 и 2002 гг. обществу русско-грузинской дружбы «Дзалиса» при его участии (он получил на эту акцию благословение двух Патриархов – Московского и Грузинского) удалось осуществить два крестных хода по маршруту Москва-Владикавказ-Казбеги-Тбилиси-Мцхета. Оба крестных хода можно отнести к разряду чрезвычайных: они приобрели особую актуальность в связи с выходом России из Бишкекского соглашения и введением визового режима на ее границах с Грузией; участники крестных ходов старались содействовать улучшению традиционно дружественных отношений между братскими православными народами – русским и грузинским.

15 ноября 2000 г. В. Никитин был участником совместного молебна, возглавленного Патриархом Московским Алексием II и Католикосом-Патриархом Илией II в храме великомученика Георгия в Москве, по случаю 250-летия основания храма.

В 2001 г. по инициативе общества «Дзалиса» был создан Парламент народной дипломатии. Важной его задачей стало возвращение в Абхазию изгнанных со своей родины беженцев, что призвано способствовать восстановлению территориальной целостности Грузии. И далее – до сегодняшних дней...

Вряд ли кто-либо еще был отмечен столь непредставимо различными наградами: Валентин Никитин был удостоен Па-

триархом Московским и всея Руси Пименом медали преп. Сергия Радонежского, Патриархом Московским и всея Руси Алексием II награжден медалью преподобного Сергия Радонежского и позже – орденом святого благоверного князя Даниила Московского, а также медалью святителя Иннокентия, Митрополита Московского и Коломенского. Он был удостоен звания лауреата РАЕН «Во славу и пользу Отечеству» с присуждением серебряной медали, награжден Большой серебряной медалью Международной Академии информатизации «За утверждение гуманитарных начал мирового информационного сообщества», медалью РАЕН «За выдающиеся научные достижения, святой равноапостольной Нины, Провосветительницы Грузии, удостоен почетного звания и знака «Рыцарь науки и искусств» (высшая награда РАЕН). И наконец – Национальный комитет общественных наград Российской Федерации» наградил его орденом Петра Великого I степени «За заслуги и большой личный вклад в развитие отечественной науки и образования».

Валентин воспринимал награды с отстраненностью истинного поэта и ученого и одновременно – с радостью ребенка. Он и был большим ребенком, видевшим в людях самое лучшее, сокровенное, да и сам являлся «сокровенным человеком».

Валентин легко заводил дружбу – она была естественным состоянием при его редкостной искренности. Он дружил с людьми разных вероисповеданий, научных интересов и уровней, разных национальностей, возрастов, даже душевных данных – при нем каждый старался проявить свои лучшие качества.

Валя умел объединять непесекающиеся миры. Его принимали в таких разных сферах, которые трудно воспринять в сопряжении – у Патриарха всея Руси и Патриарха всея Грузии,

у Папы римского и в синагоге. Его можно было встретить у выдающихся ученых, художников, старых и юных поэтов, в монастыре и на конференциях, среди простых людей и детей, с которыми он сразу находил общий язык. Появление Валентина было всюду естественным. Я встретила его с супругой Ольгой во время крестного хода на Всемирном съезде христиан в Гнезно (Польша), где он был одним из самых почетных гостей. Он мог быть везде своим и одновременно каким-то особым, своеобразной личностью, осененной даром блаженности. И одновременно любил дружеские застолья, веселье, подливая себе в красное вино капли прополиса, заявлял о его благотворном действии на организм и «угощал» прополисом или еще чем-нибудь полезительным всех присутствующих.

В 2012 году в Дни Ильи Чавчавадзе, которые прошли в Петербургском университете, Валентин сделал столь вдохновенный доклад о религиозных взглядах грузинского святого

поэта, что все присутствующие ощутили – это истинное слово, выходящее за рамки научного исследования. Тогда под впечатлением выступления директора Института грузинской литературы имени Шота Руставели, профессор Ирма Ратиани попросила меня с ним познакомиться, и я рада, что встреча превратилась в настоящую дружбу, а Валентин стал желанным гостем еще в одной сфере. Своим он был и Союзе писателей Грузии, и во многих иных творческих объединениях.

Но некоторым это казалось неестественным. У В. Никитина было достаточно недоброжелателей. Отдельные философы принимали его за непрофессионала, посягнувшего на их кастовую неприкосновенность, некоторые богословы считали его недостаточно ортодоксальным православным, поэты – необычным поэтом, не участвовавшим в расправах околотературной среды. Идеологи в советское время считали Никитина диссидентом, а истинные диссиденты – недостаточно инакомыслящим. Хотя поступком по тем временам была публикация стихов за границей – он печатался в эмигрантских изданиях, дружил с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым, хранившим в Италии традиции Серебряного века, ему покровительствовал Никита Струве, внук выдающегося филолога Петра Струве – главный издатель русской литературы в Европе. В 1990 г. в Париже в YMCA-PRESS у Никиты Струве вышел сборник избранных стихотворений В.Никитина «Сумерки смертного дня».

Вспоминается ноябрь 1999 года – визит Святого Папы римского Иоанна II в Тбилиси. Я была приглашена на встречу с Папой римским в резиденцию Президента Грузии. Валентину не успели оформить аккредитацию, хотя он специально прилетел из Москвы по заданию нескольких изданий. Он ждал меня и вместе ночью мы писали материал о визите Папы римского, который ждали от Ва-

лентина в Париже. Отключили электричество, во тьме мы искали, у кого же в Соллаки есть «свет», переместились к моей подруге Ларисе Раквишвили и всю ночь работали. Ее сыновья смогли задействовать интернет и с трудом успели передать материал.

Визит Папы римского В. Никитин воспринял глубоко лично и как событие огромного масштаба – объединяющего, укрепляющего и вселяющего веру в великие возможности духовности. Когда Иоанн Павел II завершил свой земной путь Валентин написал стихотворение его памяти, которое перевели на итальянский и на обложке журнала поместили фотографию Папы римского и Патриарха всея Руси, а между ними – фото Валентина как некоей объединяющей различные церкви фигуры. Можно представить, что далеко не всеми хранителям ортодоксии это было принято с пониманием. Но Валентин нес свои взгляды, свято в них убежденный, – человечество едино, Бог един и мы должны жить в единстве. Он называл евреев «старшими братьями», находил основы для философского диалога с буддистами и мусульманами.

Валентин неустанно под своим пером воскрешал судьбы давно забытых людей, вносил новые данные в жития святых, был в этом деле неутомимым тружеником. Глубокий почитатель грузинской поэзии, ее переводчик, известный московский поэт Михаил Синельников одним из первых откликнулся в интернете на кончину Валентина прекрасным горестным словом. Он тонко прочувствовал сущность природы ушедшего и, среди прочего, написал: «Думая о Никитине, я вспоминаю вещи слова Петра Великого о мальчике Василии Тредьяковском: «вечный труженик». Нет числа трудам этого доктора философии и исследователя литературы. Среди которых отметил бы выдающееся сочинение о раннехристианском святом Амвро-

сии Медиоланском, жизнеописание крупных деятелей русско-го православия. Богослов, истовый церковник, справедливо воспринимавший Церковь, как суровую и консервативную организацию, он вместе с тем лично был человеком широких и гуманных воззрений. Филосемит и соавтор знаменитого письма православных богословов, обороняющего евреев от многовековых наветов, он был открыт для сочувственной беседы и с инославными и с иноверными. Был не только экуменистом, но (по его собственному выражению) «сверх-экуменистом» и считал необходимым во имя спасения человечества вести разговор и с мусульманами и с буддистами. Такая позиция, такая сумма взглядов вызывала неприятие некоторых иерархов, и всё же Никитина в Церкви ценили, любили и уважали. За чистоту души, доброту и прямоту, бесребренничество и верность нравственному закону».

Экуменизм Валентина был неприемлем для многих. Но нужно было ощущать главный пафос его жизни – объединение. Разных миров, вер, поэтических течений, национальных качеств. Он воспринимал с небывалой широтой мир как совокупность голосов и считал, что каждому дан божественный голос и частица высшего назначения. Такое ощущение единства мира, особенно в его лучшем проявлении, а людей как братьев – редкостный дар. Валентин отличался невероятным горением души и жажды знаний, расплескивал идеи, дарил мысли и свою особую форму общения. И осознавали это как друзья, сторонники, так и недоброжелатели. Не до конца, возможно, ибо Валентин был неповторим. Однажды я его спросила, как воспринимают в православии его стремление к экуменическому диалогу с католиками, протестантами, иудеями, а в общем – со всеми конфессиями. Он ответил со своей удивительной полулукавой, полудетской улыбкой: «одного та-

кого, как я терпят, хотя иногда и осуждают».

В свой последний приезд Валя поделился со мной, что была счастлив участвовать в престольной службе во Мцхета, успел побывать во многих местах, в том числе его запечатлели коленапоклоненным на могиле друга – Мераба Костава, на могиле Грибоедова, где ему удалось войти внутрь усыпальницы и подробно фотографировать памятник во всех ракурсах.

За несколько дней перед кончиной судьба свела Валу с архимандритом Адамом (Вахангом Ахаладзе) – философом и поэтом, ректором Университета св. Тамар. Отцу Адаму выпала доля в тбилисской церкви Иоанна Богослова отпевать Валентина, когда его тело привезли из Батуми. Близкие в Тбилиси, его сестра, племянник, родственники предлагали похоронить Валентина на родине. Но состоялось как бы двойное прощание – отпевали его в Тбилиси, а потом в Москве, и упокоение он нашел в лавре Святого Сергея Радонежского, в усыпальнице деда своей супруги Павла Флоренского, изучению наследия которого отдал немало сил. Это стало фактом признания заслуг Валентина Никитина.

На сороковинах Валентина, прошедших в благой атмосфере, отец Адам сказал, что судьба подарила ему встречу с человеком, с которым он ощутил редкостное духовное родство и со слезами добавил: «Мы обращаемся к тебе: Вот это твой сын, земля Иверская!» Представители духовенства говорили о безмерной любви Валентина к Грузии, о неопределимом его вкладе в единение церквей, идей и людей. Отец Адам перевел на грузинский стихи Валентина (а Валя успел перевести на русский и стихи Адама, и своего любимого архимандрита Шио, не раз принимавшего московского друга в Шавнабадском монастыре).

И горевали о Валентине Никитине многочисленные его друзья из самых разных сфер человеческой жизни.

Да, приезд в Грузию Валентина был радостным и трагичным. Он пошутил перед отъездом на море: «Тебе не миновать моего прихода». Я ответила: «Да мы ждем тебя, все твои друзья, только до 10-го октября, потом я уезжаю». «Ну, у нас еще масса времени», – ответил он. Оказалось, что его нет вовсе...

Перед кончиной он бы полон планов – готовился к выходу большой сборник стихов, творческий вечер. Но параллельно в душе шел иной процесс. В декабре 2016 года на Валентина свалилось горе. Промучившись несколько дней после автомобильной аварии, скончалась его дочь Мария. Все последние месяцы он присылал друзьям, и мне в том числе, стихи – горестные, просветленные и, как кажется,

они были самыми сильными его строками. И, веря в будущее, Валентин подсознательно ощущал приближение иного: за несколько дней до ухода он написал пророческое стихотворение. Архимандрит Адам сказал: «Если человек гениален, он обязательно становится пророком!» И добавил, что в этом стихотворении Валентин хочет видеть идеальную Грузию, хотя мы знаем и о реальной.

Зов родины и зов души!
Вернуться в Грузию пора мне...
Там бесподобно хороши
И люди, и цветы и камни!

Там каждый-рыцарь и герой
В святой присяге благородству,
Лишь другу приоткрой
И хоть немного донкихотствуй!

Под знаком свадебной фаты
У верных жен глаза и лица!
И горделивы, и чисты
И счастье это вечно длится...

Неувядаема резных
Балконов милых обветшалость,
И на булыжных мостовых
Хмельная торжествует шалость.

Кура как линия судьбы!
Так на ладони провидения...
Но жизни линия, увы,
Она отнюдь не запредельная...

Она как некая клешня
Впилась в ладонь в движенье спором!
И жмет запястье, чтоб меня
Смерть озарила ясным взором...

Припоминаю старину,
Любви и мистики искатель...
Я линию судьбы стягну,
Иль это право я утратил?

Застанут временем врасплох
В истоме смертного радения...
Шарманки заунывный вздох
Услышу ли, как в миг рожденья?

Зов родины и зов души!
Вернуться в Грузию пора мне...
Я слышу голос: поспеши!
Иль это камни возроптали?

Печально, но пророчество Вали было о себе. Но он поспешил и родину видел.

Диана Вашакмадзе-Веронезе

Талант творчества – великий дар

■ Анзор ГВЕЛЕСИАНИ

Приуроченная к 100-летию основания Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили, эта статья посвящается памяти одной из его блистательных выпускниц – Дианы Вашакмадзе-Веронезе.

Физик-теоретик ТГУ, она была выпускницей Тбилисской консерватории им. В. Сараджишвили, Манхэттенской высшей школы музыки – крупнейшей частной консерватории США, знаменитой образовательной программы Фулбрайта. Сочетание глубоких знаний основ физики, математики, лингвистики с музыкальной, вокальной и поэтической одаренностью давали полное основание определять ее феномен как экстраординарное явление в сфере творческой деятельности человека. Ее пению аплодировали в США и Европе, с неизменным успехом она выступала на сцене Миланской оперы «Ла Скала». Эта особенная многогранность, я бы сказал, моцартовская универсальность была емким проявлением необычайной, редкой энергии и

высочайшего интеллектуального потенциала.

На благодатной почве знаний, данных ребенку ее родителями, учеными-профессионалами, был бережно взращен и взлелеян талант девочки-вундеркинда. Диана рано осознала потенциал и масштабы своих способностей.

Кем введена была в своем мире Диана? Льюисом Керролом, Эдгаром По, геометром, физиком, философом, поэтом, композитором, художником... Диана всегда была погружена в поиски и работу мыслей, пронизываемых взглядом ее темно-фиолетовых глаз. Помню, встретил их в парке Ваке с матерью и младшей сестренкой, ясноглазой Экой, позднее прошедшей блистательный путь от студентки ТГУ до ведущего сотрудника экономиста Всемирного Банка в Вашингтоне. Мать, узнав меня, воскликнула от радости. Диана тут же обратила на меня свой завораживающий синим блеском взор. Любопытно, что именно синий цвет стал доминирующим в ее стихах, от которых

веет музыкой родной Имерети и не менее родной древней Греции. Потребность решать задачи у Дианы была с детства. Она поражала учителей и родителей тем, что настойчиво требовала задавать ей вопросы и задачи повышенной трудности и решала их в уме оригинальным, на удивление простым способом. С легкостью «щелкала» она их в своей ранней детской «практике» осуществляя то, что с возрастом называется инсайтом – феноменальным полетом творческих начал. Здесь уместно упомянуть для сравнения теорему Гаусса о возможности вписания в круг с помощью циркуля и линейки правильного многоугольника с ограниченным числом сторон, равным простому числу Ферма

$2^{2^N} + 1$, с теоремой Дианы Вашакмадзе. Согласно теореме, на листе бумаги циркулем проводим дугу, на которой следует отложить с помощью циркуля произвольное число N равных отрезков. Затем конец дуги соединить с центром. Вырезав полученный сектор и склеив концы дуги, создаем из него конус. В результате любой отрезок от центра до дуги перейдет в образующие конуса, а дуга – в границу его основания, которая и является искомым, точно на N равных частей разделенной окружностью (!). Технический метод настолько прост и ясен, что он немедленно был реализован на компьютере программистами Тбилисского университета им. Андрея Первозванного. Когда решение найдено, оно кажется тривиальным. В течение тысячелетий над этой задачей бились многие великие умы человечества.

Приведем вкратце результаты, полученные Дианой Вашакмадзе на научном поприще, изложенные скорее всего для специалистов. Первая статья, посвященная этой тематике, как изложение, вернее, создание математической теории элементарных частиц, была опубликована в 1992 г. Она сразу же получила высокую оценку иностранных ученых (в 1996 г. в кни-

ге Акио Каваучи была сделана соответствующая ссылка на ее работу). Что касается грузинских ученых довольно высокого ранга, связанных с Дубнинским и Церновским центрами ядерных исследований, они позаботились лишь о практической стороне дела, хотя были попытки осмысления (математического описания) проблемы другим методом (методом теории струн), от применения которого на практике они, кстати, в последнее время отказались. В 2006 году под редакцией Акио Каваучи и Томоко Уанагиомото был издан учебник для средней и высшей школ и для докторантуры. В этой книге дается полноценная теория узлов как аппарат для применения на практике. Конечно, первоисточником для этих авторов была развитая Дианой Вашакмадзе теория узлов применительно к задачам микромира. Как известно, сразу же в дальнейших публикациях Диана Вашакмадзе развивает и обобщает теорию узлов для исследования некоторых задач астрофизики. На основе применения теории узлов к вопросу о классификации элементарных частиц Вашакмадзе создала стройную концепцию-теорию, связывающую фундаментальные свойства элементарных частиц с топологическими инвариантами узлов. На основе этих связей она доказала соответствие между фундаментальным математическим соотношением Гаусса-Боне, описывающим связь между топологическими инвариантами узлов, и физической формулой Гелл-Мана-Нишиджимы, связывающей между собой физические инварианты элементарных частиц – квантовые числа.

Поэтапно эти исследования нашли достойное отражение в курсовой и дипломной работах, а также в цикле опубликованных статей Д. Вашакмадзе. Приведем в соответствие результаты теории с новыми экспериментальными фактами в астрофизике, Д. Вашакмадзе убеждается в правильности ее концепции о топологической квантованности Все-

ленной. Ее метод описания Вселенной, как топологически квантованного гиперпространства, обосновывается сложнейшими по содержанию, но простыми по форме топологическими соотношениями.

Когда обратились к академику Сергею Новикову с предложением быть руководителем ее диссертации, он возразил: «Руководителем – нет. Диана сделала все сама, а быть консультантом – с большой охотой. Теорию узлов она осмыслила и впервые создала математическую теорию физики элементарных частиц. Далее она применила ее для решения задач астрофизики; мне кажется более перспективным ее развитие для задач космической физики».

Математика – наука творческая. В этом преимущество математика Платона перед Аристотелем, как нематематиком. Не исключено, что Диане больше близок мир взвешивающего на небо мечтателя Платона. Математический метод, используемый Дианой Вашакмадзе, можно сравнить с нитью Ариадны, которая ведет ее к более глубокому пониманию микро- и макромира.

При решении научных задач и стихосложений Диана общается с Богом. На сцене же – с Богом и музыкой. Переход от науки к поэзии или музыке и, наоборот, является естественной потребностью у нее и совершается весьма гармонично, так как поэзия-наука-музыка составляют единое неразделимое целое. Пример – опера Шарля Гуно «Сафо» (в интернете есть запись арии Сафо в исполнении Дианы Вашакмадзе-Веронезе), в бумагах Дианы убористым почерком на древнегреческом языке выписаны стихи Сафо, а рядом перевод их на грузинский, сделанный Дианой. Перевод оказался созвучным оригиналу. Здесь обнаружился и развернулся в полную мощь ее переводческий дар – еще один феномен. Ради полноты информации о широте ее интересов стоит отметить, что подростком она знала наизусть многие со-

неты Шекспира, а в 12-летнем возрасте перевела для печати детектив Агаты Кристи «Map a brown suit», а также либретто нескольких опер Доницетти по просьбе Нодара Андгуладзе.

Во всеоружии своей эллинистически яркой образованности и пытливого ума вступает она на путь науки и музыки одновременно. Наделенная абсолютным слухом, влюбленная в музыку, она поступает в музыкальную десятилетку для одаренных детей, где овладевает техникой фортепианной игры. Как-то в консерватории Диана исполнила французский романс старой графини из «Пиковой дамы» Чайковского, услышанный ею в исполнении Елены Образцовой (Чайковский заимствовал известный романс Гретри для сопрано из оперы «Трубадур», дав его в интерпретации для драматического меццо-сопрано, как бы специально прописанного для голоса Дианы). Педагог Светлана Корсантия сразу же обратила внимание на ее неординарные вокальные данные, которые позже были развиты

Э. Гецадзе и Д. Вашакмадзе в «Аиде». 2005

под руководством Нодара Андгуладзе, восхищенно восклицавшего: «Контральто! Диана – наше контральто!». Одновременно с музыкальной школой она оканчивает известную Комаровскую школу для физико-математически одаренных детей. Поступает в ТГУ на физический факультет, а после его окончания – в аспирантуру ТГУ по теоретической физике (руководитель А. Хелашвили, чл.-корр. АН Грузии) и одновременно в консерваторию по вокалу (в класс Н. Андгуладзе, преподаватель – проф. Гулико Кариаули). Неслучайно Н. Андгуладзе дарит Диане книгу известного венгерского математика Альфреда Реньи с надписью: «Математику Диане от нематематика маэстро». Можно сказать, что главным образом в музыке и физике микромира находит Диана свой мир. Здесь будет уместна характерная оценка, данная дирижером Вексфордского фестиваля вокалистов-2003 (Ирландия) одной из ирландских газет:

«Диана Веронезе, сопрано из Грузии, – был мой финальный концерт, на этот раз в благородной обстановке церкви Св. Ибе-

На научной конференции. 1982 г.

риуса... Она чудесным голосом пела из Рахманинова, Брамса, Вагнера, Гранадоса и в завершение Бизе. Ее Либестод (Песня Любви и Смерти из оперы Вагнера «Тристан и Изольда» – А. Г.) был поразительным; было бы весьма интересно послушать ее в полной постановке оперы. Она обладает чрезвычайно глубоким и полным голосом – я бы скорее причислил его к меццо-сопрано, нежели к сопрано. Ее необычайная харизматичность и великая личностность передались через зал аудитории. Некоторые члены оперного хора из Марии дел Кармел, находившиеся на балконе церкви, когда Диана на бис исполняла Кармен Бизе, присоединились к ее пению. Представление превратилось во всеобщее веселье, а в конце – всех нас обурял совершенный восторг».

Когда слушаешь арию Аиды или Амнерис, арию Сафо или романс Рахманинова «Не пой красавица при мне ты песен Грузии печальной...», то хочется слушать только этот голос, только эту музыку и ничего другого. Нельзя не отметить пушкинскую и рахманиновскую ностальгию, так чутко переданную Дианой при исполнении этого романса на концерте в Америке. Как будто авторы, и поэт, и композитор именно ей посвятили свои вдохновенные сочинения. В ее воображении перекликаются эпохи от Пифагора, Орфея и Платона до Руставели, Шекспира и Эдгара По, от Архимеда и Эвклида до Гаусса, Размадзе и Шафаревича и до Гете и Важа-Пшавела, одаренных способностью философского постижения мира. Их творения не были в разладе друг с другом и составили в душе Дианы цельный сплав, из которого выделяется ее философская научно-музыкальная модель микро- и макромира. Каково же было нашей нежной Диане с этойкой ношей?!

Рассказ о необыкновенно талантливой Диане Вашакмадзе-Веронезе, прожившей короткую, но очень яркую жизнь, можно завершить ее стихами:

«Аида». 2005

В сердце – лунный камень,
Мрак очей глубок,
Мглой ли опечален,
Дым ли заволок?
Кто-то белых лилий
Заплетет венок,
Сядет у могилы
И прольет вино.
Кто-то к колокольне
В полночь побредет,
Звон во тьме утопит,
К звездам тьма уйдет.
Филин, голос вещий
Ты подай в ответ:
Пламя все трепещет
На ветру? Аль нет?
Слово утешенья,
Не подавшим в срок,
Дождь прольет прощенье,
Светлых струй поток ...

На могильной плите Гаусса символически высечен в его честь правильный 17-угольник. Будем надеяться – на могильной плите Вашакмадзе Дианы благодарные потомки высекут конус с основанием, разделенным на равные части. Она унесла с собою в могилу рой невысказанных мыслей и планы, оставшиеся, к величайшему нашему сожалению, неосуществленными....

SINCE 1884
SARAJISHVILI
სარაჯიშვილი

მარანი

რესტორანი & ბარი

ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫЙ БРЕНД G.G. GROUP УЖЕ В ГРУЗИИ!

С террасы нашего ресторана открывается красивейший вид на историческую часть Тбилиси. У нас вы можете оценить по достоинству грузинские и европейские блюда, приготовленные шеф-поваром из Марокко.

В ресторане «Марани» широкий выбор коктейлей с различными ароматами.

Ресторан «Марани» и G.G. Group предлагают интересные вечера с живой музыкой.

Приходите и по достоинству оцените наше особое обслуживание.

Ул. Гришашвили 11, старый Тбилиси
Тел: 0322 22 88 77

maranitbilisi

maranirestaurant&bar